

Прости мне мои грехи 2

Автор:

[Лана Мейер](#)

Прости мне мои грехи 2

Лана Мейер

Коул: „Теперь эта девочка отравлена мной, я знаю точно.

Но и мое горло перекрыто её цепкой и беспощадной хваткой. Наша безумная и острая игра продолжается. И сказать в ней „люблю“ – все равно что заранее проиграть, Ребекка.“

Их страсть – заберется под кожу.

Одержимые чувства – поглотят до дна.

Любовь станет жестокой, бьющей в самое сердце, разрывающей душу на части...

И всё же останется любовью.

Разрушающей, сметающей все на своем пути, но любовью...или всё же нет?

Лана Мейер

Прости мне мои грехи 2

В своём несчастье одному я рад, —

Что ты – мой грех, и ты – мой вечный ад...

Пролог

Ребекка

Если лекарство от всех проблем и болезней и существует, то название ему одно – путешествия.

Сама мысль о том, что всего десять часов в небе, и вот я уже за океаном в совершенно новой для меня точке земного шара, снимает первые признаки и симптомы заболевания, а именно: жар, лихорадку, ломку и постоянно всплывающие воспоминания, терзающие и без того измученную душу двадцать четыре часа в сутки.

Само предвкушение того, что целый месяц я буду предоставлена сама себе, и Коул, родители, сокурсники и прочите мои знакомые даже не подумают встретиться мне на одном из берегов Сены, как волшебная микстура действует на мой организм.

Месяц, в котором буду только я, лучшие Европейские магазины, лавандовые макарены в каноне с марципановыми круассанами, Шарлотта Бронте, читаемая мной в одном из самых красивейших парков Парижа, булыжные мостовые, по которым так и хочется пройтись босиком... Эдемский сад на земле определённо есть, и я собиралась исследовать его вдоль и поперек.

Париж и весь лазурный берег Франции. А также маленькое государство Монако, куда я намеревалась отправиться.

Даже любимые лодочки не натирали ноги, в то время как я, вооружившись кредиткой и хорошим настроением, совершала набеги в такие магазины, как Chanel и Louis Vuitton.

Шопинг всегда помогал мне создать иллюзию того, что у меня прекрасная жизнь.

Казалось бы, протянул карточку, приобрел очередную ненужную тряпку, и жизнь прекрасна. Но правда состояла в том, что это был всего лишь мираж, хоть приятный и многообещающий, но все-таки призрачный.

Тряпка в последствии становилась лохмотьями, иллюзия „жизни моей мечты“ рушилась, а я оставалась такой же, как и прежде – мерзкой, пустой стервой. Стервой с сумочкой от-кутюр.

И все же сейчас это все было мне просто необходимо. В душе я даже была благодарна Коулу за то, что он в который раз раздавил меня, и это послужило последней каплей – я просто собрала свои вещи и уехала на другой конец света. Единственная проблема была в том, что мне было необходимо куда – то деть Зевса. Он был совершенно не рад тому, что целый месяц ему придется провести в приюте для домашних животных, но, тем не менее, оставлять его на попечении у Элины было бы еще хуже. Она уж точно бы не упустила шанса отыграться на песике мне назло.

Проходя мимо одной из витрин, держа в руках огромные блестящие пакеты, я замерла, заметив свое отражение в прозрачном стекле панорамы магазина Tiffany. Бирюзовый цвет этой марки всегда привлекал мое внимание, и на этот раз я тоже не осталась равнодушной. За последний месяц я даже немного изменилась: постоянное стервозное выражение моего лица теперь иногда сменялось приветливой улыбкой, которая почти не выглядела натянутой. Лекарство действительно помогало. По крайней мере с внешней стороны. Демоны были усыплены, Коул забыт, и даже ошибки моего прошлого превратились в тени, перестав быть разрывающими воспоминаниями.

Лишь на время.

Вдруг я увидела на стекле отражение пары серых, как сталь, глаз, стремительно направленных на меня. Взгляд вспыхнул на мгновение, продлившись целую вечность, но он был достаточно пронзительным и настоящим, чтобы испугать меня. Молодой человек поправил воротник белой рубашки. В треугольнике обнаженной кожи под его горлом, мелькнул вытатуированный орел на его груди.

– Я наблюдал за тобой.

Голос Коула пронзил мои барабанные перепонки, и, морщась от безмолвного крика ужаса, я обернулась, неловко выронив все пакеты из рук. Едва справляясь с тяжелым дыханием, осознала, что за спиной моей никого нет – лишь толпы туристов и дружелюбных Парижан, спешащих кто куда. Никому не было дела до девушки, которая нелепо распластала дорогие покупки прямо в сердце Елисейских полей.

– Коул, – захлебнувшись, прошептала я, наклонившись, чтобы поднять пакеты. Одержимая паранойей, быстро осмотрелась по сторонам: никого похожего на Коула в поле зрения не заметила. Более того, вокруг меня и вовсе не было мужчин.

Если честно, я очень хотела встретить здесь кого-нибудь нового, кто сможет зажечь мое сердце. Того, кто сможет навсегда избавить меня от мыслей о Коуле и укрыть от всех проблем, что навалились за последнее время.

Того, кто будет воспитанным, сдержанным и учтивым.

Адекватным.

Кого-то, кто будет полной противоположностью Коулу. Мое воображение рисовало мужчину похожего на Николаса – только такого, который ничего бы обо мне не знал. Ник был действительно хорошим вариантом для меня, да только он уже во мне разочаровался, и оправдываться за свои поступки перед ним я не собиралась.

Я хотела нового человека в своей жизни. Нового мужчину.

Того, перед кем я смогу предстать чистой и светлой. Начать все заново, без тайн и скелетов в шкафу. Я просто стала бы новой Ребеккой Картер – такой, которой я, наверное, всегда и хотела быть.

Быть достаточно хорошей.

Достойной чего-то большего, чем одинокие скитания по жизни, разбавленные приключениями с местным тираном.

Мои мысли прервал телефонный звонок – Elle Golding – Handong On, – и, еле удерживая в руках покупки и телефон, я с трудом зажала его между ухом и плечом.

– Доброе утро, Бекс, – на другом конце провода я услышала сонный голос своей новой знакомой – Мерседес. По всей видимости, утро у нее начиналось в три часа дня в самый разгар моего обеденного шопинга.

– Ага, и тебе доброе „утро“. Ты в курсе который час, или все это время ты не выбиралась из постели красавчика, с которым познакомилась вчера?

– Слава Богу, он покинул меня еще на рассвете, – ее голос уже звучал гораздо бодрее. – Ведь это значит, что мы с тобой совершенно свободны и сегодня же отправляемся в Монте-Карло. Вечером.

– Что? – я нахмурилась, параллельно прикидывая в уме, сколько мест еще не обошла в Париже. Но я же смогу к ним вернуться позднее после небольших выходных в Монако?

Я надеюсь.

– Я не хочу это обсуждать. Я жду тебя у Оперы Гарнье, оттуда мы отправимся в аэропорт, который в два счета доставит нас на Лазурное побережье. И не забудь приготовить парочку вечерних платьев для похода в казино.

Мерседес свалилась на мою голову внезапно – как бы нелепо это не звучало, но мы познакомились в одном из магазинов. Нам приглянулась одна и та же сумочка, которая оставалась в единственном экземпляре, и мы потратили около пятнадцати минут на спор о том, кто же из нас будет ей обладать. Я напирала на нее в своей привычной стервозной манере, но и Мерс оказалась не из робкого десятка. Поскольку для этой девушки я была, по сути, „никем“, она совершенно не стеснялась в выражениях, чем меня и зацепила.

Было, наконец, приятно встретить настоящую личность, а не просто куклу, которая в очередной раз заняла бы место моей „подруги“ и поддакивала бы всякий раз, когда мне это было необходимо.

Наша борьба за сумочку закончилась тем, что мы вернули ее на полку и вышли из магазина без покупок, совершенно потеряв к ней интерес, зато найдя много общего. Мерседес родилась в Испании – она была довольно скрытной, несмотря на внешнюю уверенность в себе и умение поддерживать любой разговор. Все, что я пока знала о Мерс – это то, что наши судьбы очень похожи.

Непонятная родителями, свободная, погружившаяся в разгульный образ жизни девушка. Только она, в отличие от „старой“ меня, поступала умнее – гуляла и тусовалась в другой стране, и только в летнее время. Во время учебы же она превращалась в укрощённую обществом девушку – порядочную студентку закрытого Испанского колледжа для девочек.

Я вдруг представила себе институт, в котором учатся одни лишь девчонки. Никаких братств, интриг, но и никаких мужчин. Ни одного. Звучит... Скучно.

Поэтому неудивительно, что Мерседес во времена своего отдыха уходила в отрыв. Я, конечно, чувствовала, что она может потянуть меня за собой, и мое решение встать на путь истинный не закончится успехом, и все же общалась с ней.

На все вопросы: „как, зачем и почему я приехала отдохнуть во Франции“, отвечала либо уклончиво, либо просто: „на шопинг“. Ну не могла же я выложить ей все сразу: „Я сбежала от своей семьи, которая меня ненавидит; от парня, который шантажировал меня с целью присвоить себе мое тело и трахать в любое время суток; ну и от того, что в пятнадцать лет я почти собственными руками отравила девушку наркотой“.

Да. На шопинг.

Конечно, я приехала, просто чтобы пройтись по магазинам, а не избавиться от кошмаров и угрызений совести, которые проснулись во мне, после всего того, что наговорил мне Коул.

Возвращение домой и предстоящая учеба пугали меня не так, как возможность снова увидеть его. Снова почувствовать на себе его взгляд, который за секунду превращает мою кожу в иней.

Как бы там ни было, у меня оставалось еще несколько дней на то, чтобы оторваться в Монте-Карло и насладиться последними деньками своих летних каникул в Париже. С этими мыслями я зашла в ближайшую кондитерскую и, взяв коробочку уже опробованных мною макарун, направилась к припаркованной машине. Мерседес не станет меня ждать, поэтому мне следует поторопиться и приготовиться к поездке, в которой, надеюсь, скучать не придется.

Глава 1

Франция

Ребекка

Часы на вершине здания La Casino de Monte Carlo указывали ровно полночь, в то время как мы с Мерседес подъехали к нему. Подав руку мужчине-водителю в белых перчатках, вышла на свежий воздух, несказанно радуясь красоте, которая окружила меня.

Красота эта была изысканной и старинной. Мне казалось, что на мгновение я перенеслась на несколько столетий назад, и в этом и заключалась для меня разница между Европой и Америкой – здесь каждое здание будто бы застыло, наслаждаясь моментами прошлых веков и храня в себе их тайны.

Я прислушалась к звуку бьющегося фонтана в окружении пальм и оглядела взглядом вечернюю площадь перед самым главным и старым казино Монте-Карло, в котором, как правило, собиралась вся Европейская знать и просто богатые туристы, которые хотели испытать свою удачу. Небо над моей головой, несмотря на полночь, было светлым, почти как днем, благодаря тысячам огней, окруживших карликовое государство.

Само здание больше напоминало мне настоящий средневековый дворец, и лишь горящая вывеска, гласившая о том, что это Казино, и дорогие спортивные машины, подъезжающие ежесекундно, сообщали мне о том, что я все-таки все еще нахожусь в двадцать первом веке.

– Ребекка, ты в порядке? – Мерседес посмотрела на меня, сдвинув брови. Наверное, она заметила то, как я оглядываю обстановку, которая для нее была довольно привычной.

– Да, – кивнула я, глядя на девушку. Мерседес была облачена в длинное белое платье, полностью обнажавшее ее плечо, демонстрирующее смуглую, как шоколад, кожу. Я бы не назвала ее ослепительно красивой, но, определенно, в ней что-то было: обаяние, улыбка и завлекающий огонь в глазах. То, чего, наверное, у меня никогда не было.

Мое обаяние заключалось лишь в сексуальности. Улыбка (дай Бог, если натянутая), огонь в глазах – только при появлении объекта по имени „Коул“ в радиусе десяти метров от меня.

– Тогда пошли? Фейс-контроль строгий, но нам переживать не стоит, – Мерседес обладала очень широкими бровями, полностью перенимающих акцент с ее желто-карих глаз. Ее крупные черты лица смотрелись гармонично, благодаря естественно пухлым губам.

– Мы серьезно будем играть? – я поджала губы, показывая мужчине в черных очках свою сумочку. Пройдя через специальную раму, пропищавшую пару раз, мы наконец-то оказались внутри.

Среди людей, находившихся в Казино, даже я чувствовала себя неловко, что, в общем-то, было мне совершенно несвойственно. Ощущение того, что я стою на ковровой дорожке абсолютно голый, не спешило меня покидать, даже когда к нам с Мерс подошел учтивый официант и предложил вина или шампанского.

– Ага, всех тут потихоньку спаивают, чтобы большие ставки делали. Так что давай не увлекаться, – разумно рассудила она, взяв бокал и себе, и мне.

– Что я слышу! – кажется, сегодня Мерседес решила притвориться ангелом под стать своему белому платью. – Тогда что мы здесь делаем? Я совершенно не

умею играть в блэк-джек!

– Ты серьезно? – она усмехнулась, посмотрев на меня с недоверием. – Я тебя научу, если будет время. Но пришли мы сюда не за этим, Бекка. По крайней мере я.

Она облизнула свои темно-бордовые губы, переводя взгляд на мужчин в пиджаках и рубашках, собравшихся за круглым столом. По ее глазам мне все сразу стало понятно: Мерседес пришла сюда, чтобы сорвать большое приключение и куш, но явно не в денежном эквиваленте. Ей не нужны наличные деньги. Всего лишь собственный банкомат в лице мужчины и безлимитный доступ к его благам.

– Ну, я догадывалась об этом. Ну они все какие-то...староватые? Не думаешь? – Я придирчиво пригляделась к мужчинам, игравшим в блэк-джек. Они, конечно, выглядели ухоженно, но половина из них была даже старше моего отца. Этот факт совершенно не вязался с перспективой многообещающего знакомства.

– Не все, – она подмигнула мне, переводя взгляд на другую толпу, которая играла в рулетку. Там, и правда, стояли парни по моложе. Все, как на подбор: красивые, рафинированные, с идеально зачесанными и вылизанными волосами.

Одним словом: скука.

Образ взъерошенных волос Коула пролетел в мыслях так стремительно, что я чуть не подавилась шампанским. Волос, которые я сжимала, прижимая к себе ближе, выкрикивала его имя, поглощаемая нескончаемым потоком счастья... Черт, он до сих пор не отпускает меня.

Я вообще сомневаюсь, что когда-нибудь смогу найти от него лекарство.

Никаких других определений своим чувствам к Коулу, кроме как „болезнь“ и „зависимость“, я не находила.

– Думаю, рулетку я осилю, – ухмыльнулась, хоть и интересного кандидата в поле зрения пока не видела. Я нутром чувствовала, как в каждом „белом воротничке“ пытаюсь разглядеть Коула.

– Ну, чтобы за одним столиком не было сразу двух красивых девушек, я думаю, нам стоит разделить территорию, – Мерседес была еще более расчетливой, чем я, но я ее в этом не корила.

Думаю, если бы я была заперта в колледже для девочек круглый год, то вела бы себя еще хуже. Мерс просто хочет развлечься. Я же – просто хочу забыться.

Кивнула ей, провожая подругу взглядом: подмигнув мне, она легкой походкой направилась по направлению к столику, где мужчины играли в покер, и я отметила, что никто из них пока даже не повернулся в ее сторону. Мужчины были увлечены только игрой, и оторвать их от этого азартного процесса действительно трудно.

Я же с куда большим интересом разглядывала статуи, украшающие периметр огромного игрового зала, хрустальную люстру под потолком, украшенную позолотой, и огромные игральные карты-статуи, сделанные из Оникса.

В одном из зеркал между статуями я замечаю себя и не узнаю: мое платье-футляр черное и непривычно сдержанное. Несмотря на глубокий вырез на спине, грудь полностью прикрыта и не привлекает к себе внимания. В руках мне не хватает только мундштука и ободка с перьями в духе „Великого Гэтсби“. Я выгляжу, как настоящая леди, – даже волосы убраны в аккуратный пучок, дополненный маленькой волнистой прядью, спадающей на лицо.

Я сжимаю в руках стакан покрепче, вновь представляя рядом с собой Коула. То, как его рука вместе с нататуированным предплечьем накрывает грудь. То, как он подходит ко мне сзади и, едва прижимаясь к спине, шепчет:

„Твое тело принадлежит мне. Ты моя игрушка, Ребекка“, – голос в голове раздается так ясно, что я откидываю шею, представляя его губы возле моей кожи, как наяву.

„Не распускай свои волосы. Только со мной они должны быть такими“.

Мелкая дрожь пробивает мое тело, и я вынырываю из этой агонии. Я должна забыть о Коуле. Мой дух должен победить это жалкое, зависимое лишь от него, тело.

Рука потянулась к шпильке на голове, и я со злостью хотела уж было распустить волосы... Но не смогла. Кисть так и застыла над прической, и, осушив стакан до дна, я уверенной походкой направилась к столику, где все играли в рулетку.

Не зря же прихватила на входе фишки – стоит испытать свою удачу. Я подошла к рулетке, где стояли одни лишь парни, кроме меня, и женщина в возрасте – такая изысканная дама в дорогом брючном костюме красного цвета. Внутренний голос мне подсказывал, что шутки с этой дамочкой плохи, и игру ведут она и стоявший рядом с ней парень с огромным количеством фишек. На него я не обратила никакого внимания – меня больше интересовало жемчужное кольцо на шее дамочки, и то, сколько же ей лет, если выглядит она на пятьдесят, но на деле, кажется, что гораздо больше.

– Ставлю на то, что выпадет четное.

– Ставлю на то, что выпадет красное, – я услышала несколько голосов, провозгласивших свои ставки. Я совершенно ничего не смыслила в этой игре, рассчитывать приходилось бы только на свое везение. Не долго думая, решила поставить все свои фишки – ну а что, это всего лишь десять тысяч евро наличными, а в другие игры я все равно играть не умею. Разве что в электронные автоматы.

– Ставлю на то, что выпадет двадцать один красное, – уверенно объявила я, подавая крупье все свои фишки. Седовласый мужчина, едва скрыв свое удивление, посмотрел на меня оценивающим взглядом. В толпе все молча расползлись в скептических улыбках, а я лишь мысленно объяснила себе свой выбор: Коул родился двадцать первого числа, и никакое другое мне просто не приходило в голову.

А играть я любила по-крупному.

„Всё или ничего. Моя девочка“, – опять же одобрительно раздалось в моей голове, и я со злостью пододвинула ближе к Крупье все свои фишки.

– Поддержу даму, – вдруг молодой человек, что стоял рядом с дамой в красном костюме, отдал все свои фишки в общую кучу. – Ставлю почти все на четыре черную, – он поставил на цифру, что располагалась на рулетке по соседству с моей.

Парень поднял на меня свой взгляд исподлобья, и я соизволила ему улыбнуться, оценивая внешность: приятное статное лицо; опять же, прилизанные по вискам светлые волосы; добродушные светлые глаза и легкая улыбка. Из толпы он выделялся, разве что, этим самым приветливым выражением лица, что было вовсе не типично для Казино, где люди слишком серьезно относились к ставкам.

Я слышала не мало историй, как целые состояния падали в Казино, а бывшие богатеи выходили от сюда без ничего.

Всем своим внешним видом парень показывал, что он пришел сюда просто так, на один вечер – спустить на ветер несколько сотен тысяч долларов и уgomониться. По крайней мере, видимость создавалась такая.

– Ставки приняты, – объявил Крупье и прокрутил барабан. С замиранием сердца я начала глядеть, как шарик стремительно крутится по рулетке. Круг за кругом, замедляя свой темп... А ведь кто-то здесь поставил куда больше денег, чем я. И в случае выигрыша...

– Двадцать один красное! – громко заявил Крупье, хотя все и так уже давно уловили, на какое число упал шарик. Я на секунду замерла, не веря своим глазам. Я никогда ничего не выигрывала и всегда считала, что я и везение – это вещи из двух параллельных друг другу вселенных.

– Ваши фишки возрастают в несколько раз, мадемуазель, – обратился он ко мне. Окружившие стол игроки скрывали свои эмоции: конечно, недоумение было не трудно прочесть в их глазах. Я и сама не понимала, почему день рождения Коула сработал с вероятностью в сто процентов: а каковы были шансы?

– Ого, кажется, кто-то опустошил мой карман всего лишь за пару секунд. – Молодой человек обратился ко мне, в то время как дама в красном костюме что-то недовольно проворчала на мой счет. – Не поделишься секретом?

– Новичкам везет, не так ли? – я улыбнулась парню, вдруг поняв одно: может, вот он – тот самый шанс. Предстать хорошей. И платье удачное как раз подобрала.

– Соглашусь, – он протянул мне руку (ох уж эти манеры. Коул бы не стал опускаться до подобных любезностей. Элегантно подала ему свою в ответ. К моему облегчению, он не стал ее целовать, а просто представился, слегка сжав:

– Граф Стефан Марсо, – объявил он с легкой гордостью. Я еле сдерживала смех, закипевший в груди. Граф? Я вас умоляю.

– Ребекка Картер. Просто Бекка, – я вдруг сама себе напомнила простушку Эмили Бломен, которая этой своей невинностью, в свое время, завлекала всех парней подряд (отсылка к первой части серии „Позволь мне тебя коснуться“).

– Буду признателен вам, если вы хоть немного поделитесь своим везением, – Стефан подарил мне долгий глубокий взгляд, прежде чем отпустить мою руку. – Деньги мне не жаль, но вот проигрывать при собственной тете больше не хотелось бы.

Он кивнул в сторону азартной женщины, которая вновь делала крупную ставку. Да уж, у каждого свои странности.

Я ничего ему не ответила, все еще сомневаясь в том, что он стоит того, чтобы с ним познакомиться. Хотя, если честно, я была немного заинтригована его личностью и возможностью окончательно закрепить свое лечение знакомством с перспективным парнем.

– Вы... Американка? – не выдержав моего молчания, спросил Стефан. – Фамилия весьма говорящая.

– Да, я из Лос-Анджелеса, – слегка кивнула, складывая свои руки вместе в районе живота – мне хотелось казаться скромнее и элегантнее, чем я была на самом деле. По его приятной улыбке, поняла, что мне это удалось.

– О, – на его лице застыло глубокое разочарование, – это очень далеко. С какой целью посетили Монте-Карло?

– Я прилетела в Париж... – тут я прикусила язык, потому что собиралась ляпнуть что-то вроде: „Пройтись по магазинам, отвлекись от своего прошлого“, и выдала: – Для того, чтобы воочию увидеть величайшие полотна Да Винчи, Яна

Вермеера, а также некоторые скульптуры Антонио Кановы и многих других.

Стефан вдруг еще больше изменился в лице. Я же мысленно поблагодарила себя за то, что хоть чуть-чуть прислушивалась к скучному аудиогиду, который нам выдали в Лувре. На самом деле, это были одни из самых утомительных часов в моей жизни – я просто пробежалась по некоторым главным залам с картинами, добежала до „Моны Лизы“ и поспешила покинуть этот великий музей.

Все же, слишком „тяжелая“ культура была не для меня. Из всех способов по духовному обогащению наиболее близким мне был – чтение и литература. Но уж никак не разглядывание обнаженных моделей средневековых художников.

– Я осталась очень довольна, прямо-таки сбылась моя детская мечта. Ну и, конечно же, я посетила Версаль – в принципе, это были все мои цели, – я поспешила наговорить ему побольше, чтобы Стефан не начал расспрашивать меня об особенностях стиля моего любимого художника. – Ну, а потом подруга пригласила меня в Монте-Карло, и я подумала: почему бы и нет?

Я никогда так много не разговаривала с незнакомцами.

– О, я вижу, у нас с вами найдется очень много тем для разговоров, – наконец сделал вывод Стефан, одобрительно улыбаясь мне. – Я буду очень разочарован, если вы вскоре покинете нашу страну.

Я сделала глубокий вдох, вновь присмотревшись к его каре-зеленым глазам, и, наконец, приняла окончательное решение продолжить с ним более близкое знакомство.

– В сентябре у меня начинается учеба, – снова поймала удивленный взгляд с его стороны. опередив его немой вопрос, подтвердила:

– Да, я еще учусь.

– Вы...?

– Ты можешь называть меня просто Бекка. Когда ты говоришь „Вы“, я чувствую себя твоей тетей... – мы вместе посмотрели на кипящую от злости, вызванной

проиграем, тетю Стефана и, переглянувшись, рассмеялись.

Кажется, я нашла то, за чем приехала.

Идеальную формулу лекарства, которое вылечит меня от Коула.

Вскоре Коул поймет, что я не его игрушка. Я единица. Я девушка, которая целиком и полностью принимает свои решения сама и несет за них ответственность.

А он пусть и дальше играет в дешевых куколок, в Царя Братства и прочие извращенные над психикой игры, в которых я больше не хочу принимать участие.

Событие из прошлого (ночь на Дамбе).

Коул

– Я ненавижу тебя, Стоунэм, – в голосе Бекки ни капли ненависти. Я накрываю ее холодную руку своей и слегка сжимаю хрупкие пальцы.

– Взаимно, Картер. Ты достаточно плоха, чтобы я тебя тоже ненавидел. Такую, какая ты есть.

– Коул, я... – внезапный порыв чувств к Бекке оказывается сильнее меня, и я прикладываю палец к ее пухлым губам.

Не знаю, чего она от меня ждет. Хочет, чтобы я назвал все своими словами? Ну я не могу дать ей того, что она хочет. Я не влюблен в нее.

И любовь мне неведома, как, возможно, она наивно полагает.

Все, чего я хочу – это и дальше держать ее под контролем. Причинять боль, наслаждаясь ее сопротивлением. Мне нужна наша маленькая секретная игра, только и всего.

А не то, чего она может напридумывать себе после моих слов. Возможно, я бы и мог открыть ей свое сердце, но мне прекрасно известно, что чудовище внутри меня рано или поздно возьмет верх над человечностью. И этим я сделаю ее еще более несчастной, чем сейчас.

Хотя, в ту секунду Бекка выглядела невероятно счастливой – мои красивые слова про „жить моментом“ не хило запудрили ей мозги, чего я и добивался. Еще один крючок закинут, и вот рыбка уже жадно глотает ртом воздух, находясь вне воды.

То-есть, вне меня.

– Жить моментом... Быть абсолютно свободными. Но вместе, – тихо произнесла она, с блаженной улыбкой поглядывая на меня. Какая наивность. И от куда в этой стерве проснулись такие черты? Неужели, я своей волей подавил ее характер?

Это очень лестно. Но, кажется, пришло время спустить девочку на землю.

– Свободными? – выплюнул я как можно грубее. Пожалуй, даже перестарался – так сильно я хотел показать ей прежнего себя. – Ты не свободна, Бекка, очнись.

Она нахмурила лоб, ее брови резко сдвинулись к переносице.

– Ты – игрушка. Ты не более свободна, чем мои шлюхи. Мои „братья“. И даже мои животные. Я буду шантажировать тебя снова и снова. Надоела старая тема? – тут я имею в виду то, что в пятнадцать лет она отравила наркотой ни в чем не повинную девочку. – Я найду новое слабое место. И буду давить на тебя с новой силой.

Демон внутри сильнее меня самого – сильнее разума, сильнее тела. Он просто хочет царить вокруг боль, и эпицентром этой боли должна быть Ребекка. Искрой – той, из-за которой это самое пламя вспыхивает и разгорается.

Я просто не мог позволить повторить себе жизнь своего отца. Человека, который думал, что победил чуждое внутри себя и попытался создать семью. В результате чего: брошенный матерью ребенок, сломанная психика,

натравливание на своего сына гончего, ну и в завершение всего этого спектакля – каждодневные концерты в психушке.

– Почему ты вновь говоришь этого? – взволнованно спрашивает Бекка, вместе с тем ее руки опираются на землю, для того чтобы встать. Но я оказываюсь быстрее – придавив собой ее продрогшее тело, наклоняясь к ее лицу, чтобы заверить:

– Ты еще ничего не поняла? Игра продолжается. Я надеюсь, ты готова на этот раз слушаться. Я тут подумал... Если ты все равно узнала о нашем маленьком тайничке, может быть примешь участие, а? Так сказать, „войдешь в долю“?

– Отвали от меня, ненормальный! – сквозь зубы пропыхтела Бекка, нервно закорчившись под моим телом.

– Вести себя так можешь только во время секса, – спокойно разрешил ей я, слегка шлепая пальцами ее подбородок. – Исключительно для моего удовольствия.

– Какого еще секса, Стоунэм? – заверещала она, отчаянно вырываясь. Ребекка так хотела вырваться на свободу, что аж вены на ее лбу вздулись от напряжения. – Да я лучше вновь попытаюсь спрыгнуть с дамбы! Чем еще раз лягу в твою постель! Чем как-либо свяжусь с тобой, с твоим дебильным братством и грязными делами!

– Грязными? Ну кто у нас тут еще грязный, Бекка? Кто? – я расхохотался, ероша ее волосы, маниакально озабоченный ими. По венам так и струился Кайф, приходящий от того, что мы вновь ссоримся и спорим; она брыкается, а я сверху.

– Отпусти меня, отпусти! – в который раз кричит она, и я ослабляю хватку. На сегодня уроков хватит. Она может быть свободна, для того чтобы завтра я сделал ей еще больнее.

Ребекка встает, оттряхивая свою одежду, параллельно кидая в меня молнии ярости.

– Ты – бездушная скотина, Стоунэм, – она заносит свой хилый кулак надо мной так, будто мечтает ударить. В который раз. – Нужно было тебя зарезать тогда. Видит дьявол, я еще это сделаю.

Сжав губы, она превратила свой кулак в жест с вытянутым средним пальцем и, отвернувшись, побежала прочь. Догнать ее проблем не было, но я совершенно не собирался этого делать.

Отрезвление пришло слишком поздно. Я и сам не ведал, что творил, перестал себя контролировать. С каждым днем я все больше и больше превращался в чудовище...

– Проклятье! – ударил ладонью по земле, опираясь на руку, чтобы встать. Подойдя к дамбе, оглядел этот мир; эту воду, что бурлила внизу; эти деревья, что играли с порывами ветра... Эти метры, что разделяли меня от обжигающей внутренней боли.

– Что я делаю...? – вопрос в никуда, просто в вечность. Я уже не знал, кем был и кем являлся – защитником, который хотел уберечь Ребекку от бед; собственником, который не позволял никому ее трогать, или же ее мученьями и страшным кошмаром, в котором она оказывалась рядом со мной.

Я правда не знал. Не знал, что будет со мной дальше. И сколько еще времени пройдет, прежде чем я окончательно превращусь в психа.

Глава 2

Наши дни

Ребекка

Как только я сошла с трапа самолета, доставившего меня на родину, поняла одно: я скучала по своей стране, но никак не по людям, которые меня здесь не ждали.

Ни Элина, ни папа ни разу не позвонили мне, с тех пор как я целый месяц пропадала в другой стране. Конечно, Кайл частенько писал мне сообщения и передавал для меня „приветы“ и вопросы, которые, якобы, были от родителей. Но я то знала, что своим отсутствием сохранила матери кучу нервных клеток, а отцу... Даже не знаю. Наверное, повысила его социальный статус тем, что больше не мелькала между заголовками желтых газет.

Меня никто не ждал. Даже Коул не слал угрозы и сообщения в духе: „Какого черта, ты уехала? Мы еще не закончили“. Да и с какой стати? Уверена, в последние дни каникул он потягивает крепкий виски у бассейна в окружении полуголых девиц и своих недалеких братьев.

Но это все больше не должно меня касаться. У меня будет новая жизнь.

Ту, которую я сама себе создам. Знакомство с Мерседес, которая увлекалась модой так же, как и я, сподвигло меня на создание чего-то, о чем я даже и не мечтала. Подруга неплохо рисовала эскизы одежды и однажды мне показала свои рисунки: исполнение было хорошим, но я была уверена, что смогла бы сделать вещи более стильными. Мне оставалось одно – только попробовать.

Вот что еще дарят путешествия – в скитаниях вне зоны нашего комфорта мы будто бы находим ключ к источнику огромного вдохновения внутри нас.

И, кажется, я нашла этот ключ и собиралась открыть источник в самое ближайшее время.

Я даже позвала Мерседес к себе. Не в моих правилах сближаться с людьми и заводить подруг, но в этой девушке что-то было. Сила характера, как и у меня.

Стефан же оказался закреплением результата – наши отношения были странными... Последние две недели во Франции мы провели вместе и максимум чего достигли – это легкий поцелуй, который больше был похож на поцелуй двух пожилых людей, чем на влюбленной парочки.

– В нашей семье не принято показывать свои чувства при всех, – объяснял он, когда я оставалась не очень довольна после этих осторожных соприкосновений. – К Браку мы относимся очень серьезно. Для меня очень ценно, что я нашел такую, как ты. И секса до свадьбы я не приемлю.

Под выражением „такую, как ты“, он имел в виду то, что я была девственницей.

Ха. Ха. Ха. Конечно же, девственной я была только в его голове.

Не знаю, ложь о том, какая я хорошая и чистая, срывалась одна за другой до тех пор, пока я окончательно не завралась, не объявила ему о том, что невинна.

Думаю, если бы он узнал хотя бы пять процентов правды обо мне – он бы тут же разорвал со мной всякое общение, как в свое время Николас. Но я этого не хотела.

Стефан стал моим билетом в новую жизнь. Жизнь, в которой нет места Коулу. Жизнь, в которой родители будут мной гордиться.

Стефан обещал приезжать ко мне, пока буду учиться – в конце концов, я была на последнем курсе, и этот год как раз бы стал временем, за которое мы сблизимся и узнаем друг друга лучше.

Стефан был важен мне – важен только потому, что олицетворял собой мечту любой девушки. Он был принцем, который мог просто взять и увезти меня за море, перечеркнув все мои проблемы.

И все же я знала, что теперь, когда вернулась, мне не стоит так быстро радоваться – хоть Коул и молчал весь этот месяц, я уверена, что только потому, что он вынашивал коварный и грандиозный план по моему уничтожению.

В моих интересах было, чтоб Коул ничего не знал о Стефане. И все же какое-то неприятное предчувствие, как снежный ком, засело у меня в груди, как только я начала подъезжать к своему Кампусу.

– Зевс! – еще не открыв дверь, я слышала тихое тьяканье пса, которого сегодня утром завезла мне нянечка из приюта. – Я так скучала, мой хороший.

Едва поставив здоровенные чемоданы, я опустилась на колени и крепко обняла Зевса, зарываясь пальцами в его густую черную шерсть.

– Мое чудо, – просто сказала я, соприкоснувшись с Зевсом лбами. Даже его язык, прошедший по моей щеке и оставивший за собой слюни, не вывел меня из себя.

Все-таки кто-то меня здесь ждал.

Я оглядела комнату вдоль и поперек, с облегчением заметив, что здесь не было никаких следов Коула – ни охапки цветов, ни загадочных коробок на моей кровати. Комната выглядела так, как я ее и оставила.

Включив Florence and the Machine – Never let me go, принялась разбирать плоды своего грандиозного шопинга. Развешивая в шкафу очередное коктейльное платье, задумалась о том, что хочу непременно надеть его на какую-нибудь вечеринку, ну тут же выругалась.

И с вечеринками должно быть покончено. Ну разве только на одну... Маленькую, на прощание.

Покончив с одеждой, отправилась в ванную, окончательно испачкавшись в шерсти и слюнях Зевса. Как только я вошла в комнату и пригляделась к ванной, застыла.

Придерживая себя за виски, попыталась унять легкое головокружение, наступившее после увиденного.

Вроде бы ничего ужасного, но одновременно настолько странное зрелище... Моя ванна была до краев наполнена белой жидкостью, напоминавшей молоко. В светлой субстанции, как ни в чем не бывало, плавали сотни лепестков синей розы.

Коул в своей ненормальности уже переходил все границы. Сама мысль о том, что он (может, конечно, и не лично) таскал ко мне в комнату цистерны с молоком, вызвала у меня отвращение. И все ради чего? Удивить? Произвести впечатление? Запугать? А может и отравить. Кто знает, что в этой белой водичке.

Как всегда, мой мистер зло не оставил меня без записки. Она была оформлена в виде пригласительной: красивая такая, из твердого кремового картона, буквы блестящие, бирюзовые. Будто бы приглашение на свадьбу.

Но я то знала, что это было приглашением на очередной урок – пытку.

Схватив пригласительное, хотела разорвать его и смыть в унитаз, не глядя, но так и не смогла. Что-то внутри (надеюсь, любопытство, а не желание вновь увидеть его) заставило меня заглянуть в записку.

„С приездом, Беа. Твой отъезд для меня был неожиданностью, признаюсь. Но этим ты только еще больше разозлила меня и дала мне время на то, чтобы оттискать твои самые слабые места. Я наблюдал за тобой. Помни об этом. Знаю, что сейчас ты пытаешься поменять свои приоритеты, и смотрю за этим с интересом. Тем не менее, сегодня, прямо в день твоего приезда, у нас в Братстве состоится вечеринка по набору новобранцев в наше наипрекраснейшее общество. Хочу видеть тебя там, а то мои братья совсем уж засомневались во мне, когда узнали о том, что я позволил тебе сбежать.

Ах да, кстати... Прими ванну с молоком. Это всего лишь молоко, правда. Все-таки вечеринка будет у бассейна, и я хочу, чтоб твоя кожа была нежной, как никогда.

Невинной, как и ты сама. Не так ли“?

Всеми силами я пыталась унять нарастающую дрожь в руках. Все во мне хотело вновь собрать вещи и умчаться – в Париж, в Лондон, да хоть в Антарктиду, лишь бы подальше от Коула. Подальше от желания его увидеть, несмотря на это отвратительное письмо с приветствием и странный намек в конце этой поэмы...

– Ублюдок! – заорала я, испепелив взглядом примчавшего на мой крик Зевса. – Чертов ублюдок!

Я опустилась на колени рядом с ванной и с каким-то пустым выражением лица опустила руки в прохладную белую жидкость. Она была приятной наощупь, лепестки синих роз мягко щекотали кожу. Я собрала огромную горсть в ладони и вытащила их из ванны, чувствуя, как молоко стекает по моим предплечьям.

– Ты не забыл обо мне, – тихо самой себе прошептала я. Непреложный факт, от которого мне никуда не деться. – Не забыл, Коул.

Не знаю, чувствовала ли я радость.

Но что-то определенно чувствовала. Ведь только Коул пробуждал во мне жизнь – настоящую, хоть и наполненную страданиями и болезненными эмоциями.

Коул

Тишина, повисшая в небольшой комнате, нарушается лишь тихим постукиванием двух железных наручников, надетых на запястья моего отца. Я вглядываюсь в его гладко выбритое лицо и посветлевшие глаза, наполненные невыносимой тоской. Я не навещал его долгое время, и за этот период он стал выглядеть гораздо лучше. Если бы не белая просторная рубашка, наручники и полки, заваленные разными таблетками, отец вполне мог бы сойти за нормального человека.

– Ханна, – с горечью прошептал он, подняв на меня серебристые глаза, в которых я узнал себя. – Мне нужна моя Ханна. Мне нужен ты, Коул. Я хочу...

– Не смей! – опускаю веки, слегка сжимая кулаки под столом, который разделяет нас. – Не смей говорить о ней.

– Я... – глаза Уилла заблестели, и его руки, закованные в наручники, медленно поползли по направлению ко мне. – Вы – все, что мне когда-либо было нужно. Ты не можешь винить меня за то, что я такой.

– Я не виню тебя за это.

– Но ты боишься меня. И Ханна боялась, – сейчас он полностью отдает себе отчет в своих действиях. Он в сознании. Сейчас Уилл Стоунэм был просто моим отцом. Влюбленным мужем. Или все же нет...?

– Я не боюсь тебя, – усмехнулся, широко распахнув глаза.

– Где она? Где моя Ханна? Где она сейчас? – лихорадочным голосом произнес отец, сжимая свои пальцы.

– В безопасности. Там, где нет тебя, – наверное, не стоило этого говорить. Но молчать я был не в силах.

– Я изменюсь, я вылечусь, Коул. Только дай мне этот шанс. Я хочу вернуться домой... Я хочу, чтоб все было как прежде... Я, Ханна...

Я напрягся, замечая изменения в его глазах: зрачки расширились, взгляд торопливо забегал по комнате. Вены на шее вздулись так, будто внутри его тела пробуждалось вселенское зло.

– И наш маленький сын... Дрейк... помнишь? Как поживает Дрейк? Ты кормишь его, да? Отпусти меня. Забери домой, сын, забери...

Воспоминание о том, как отец хватает пса за шкуру и два счета перерезает Дрейку горло невозможно стереть из памяти.

Он даже не скулил – не успел, – лишь жалобно взвыл, перед тем как сделать последний вдох.

Я до сих пор помню реку крови и слезы, застилающие мой мир.

– Не будет. Ничего не вернуть, – я стараюсь стереть эту вспышку из прошлого, но не могу. – Тебе нельзя покидать это место.

Отец взревел, и его руки в наручниках безудержно заметались по столу.

– Все будет иначе! Иначе! Я исправлюсь! Я вылечусь! Забери меня отсюда! – Тут он накинуд цепь от наручников на мою шею и резко притянул к себе.

– Ты убил Дрейка! Ты сделал так, чтобы мама ушла! – меня самого затрясло, цепь передавила шею. – Я не хочу быть таким, как ты! Я не такой!

Уилл расхохотался, обнажая свои зубы в зловещем оскале. От спокойного отца, каким он был еще пять минут назад, вновь не осталось и следа.

– Но ты такой, Коул! Такой...ты уже чувствуешь это, да? Чувствуешь, как тебе нравятся некоторые вещи? Чувствуешь, я знаю это!

– Нет! – я резко нажал на красную кнопку, хотя был уверен, что наши крики и так слышны по всей больнице.

– Я знаю Коул, знаю. Я вижу это в твоих глазах! Ты всегда был странным мальчиком, вспомни!

– Хватит! – руками хватаю цепь на своей шее, чтобы ослабить давление. В эту же минуту в комнату врывается несколько человек со специальными приборами в руках. Придерживая Уилла, они без промедлений втыкают в его шею заостренный иглой шприц, и на миг его серебряный взор замирает на мне, а губы шепчут, не произнося ни звука:

„Ханна“, – читаю я. Тут же тело отца расслабляется, и он закрывает глаза, опадая на спинку стула.

– Вот и поговорили, – встаю и направляюсь к выходу уже в сопровождении медсестры – на этот раз новенькая миловидная блондинка, которая довольно-таки хорошо выглядит при том, что работает в таком ужасном месте.

Лоб покрылся испариной, и я прикладываю к нему ладонь, пытаюсь не казаться таким жалким. Но мне тошно. То ли от детского воспоминания о Дрейке, то ли о том, что не знаю своей матери.

То ли от того, что у меня, по сути, никого нет. И даже если я когда-нибудь сяду в психушку, вряд ли кто-то будет навещать меня здесь.

У меня даже нет сына, как у Уилла, хотя от моих посещений ему не легче.

Конечно, есть бабушка и дедушка. Но в последнее время мы не очень близки. Это к лучшему – мне не хотелось бы, чтобы они видели все это. Они заслужили достойную и спокойную старость.

– Ох, – тяжело вздыхает милая блондинка. – Не ожидала, что будет так. В последнее время он был спокойным. Отключался, конечно, но не вел себя так.

Мы шли по коридору, и я старался не обращать на нее никакого внимания. Я вообще старался не смотреть на девушек, потому что слишком часто видел в любой из них лишь одну.

– Он сильно поранил вас? – когда мы остановились возле стойки, на которой я должен был отметить время посещения, она слегка задела меня за край рукава и уже собиралась потянуться к шее. Неслыханная глупость с ее стороны.

– Я в порядке, – четко проговорил я, не глядя на девушку. Уверен, на ее лице сейчас явно разочарованная, но сдержанная улыбка.

Хорошая такая девочка, наверняка. Все медсестры такие. Наверное, пришла сюда потому, что очень хотела помогать людям. Вся такая самоотверженная, милая и добрая. Идеальная. Такая никогда не кричит, не закатывает истерики и всегда спрашивает о том, не сильно ли меня поранили.

Бекка бы никогда не стала медсестрой.

Спрашивала ли она меня о моих ранах? Заботливым, едва тихим голосом... Разумеется, нет. Она сама нанесет раны, еще и сверху соли насыплет.

– Когда вы придете в следующий раз? – с надеждой спросила она, но я уже расписывался в большой тетради, аккуратно прописывая свое имя. Громко захлопнув книгу, бросил на стол ручку, и, развернувшись, ушел, чувствуя на себе ее нежный взгляд, который был не в силах меня согреть.

* * *

– Мой любимый день в году, – мы с Гидеоном оглядывали наши окрестности: бассейн, сад, украшенный для вечеринки, и несколько людей, передвигавшихся по нему. К знаменательному дню мы наняли прислугу и даже не поскупились на украшения для вечеринки: вся площадь была усыпана шарами с изображением герба нашего Братства и греческими буквами. Рядом с бассейном стояли диджейский пульт и несколько столиков с закусками и морем выпивки.

– Набираем новобранцев, – я кивнул, глядя на то, как одна из горничных наклоняется, чтобы поправить на траве шарики. Только поправлять там нечего, она, очевидно, специально это делает, чтобы продемонстрировать нам с Гидеоном свое белье.

– У нее неплохая задница, – ухмыльнулся он, подняв одну бровь. – Мой любимый размер. Но скоро здесь будет очень много таких задниц...

– О да, – я промолчал, о какой именно заднице подумал в этот момент. Черт, я не видел Ребекку целый месяц. И не знаю, что будет со мной, когда она попадет в поле моего зрения. Лишь бы не накинуться на нее – только самообладание и контроль.

– Сколько мы отбираем претендентов на этот раз? – Гидеон имел в виду новых членов братства, которые в течение пяти месяцев должны будут прислуживать нам и выполнять любые наши поручения. Нам с братьями только оставалось придумать испытания пожестче. К счастью, устав Братства все придумал за нас и давно. Из года в год все задания были примерно одинаковыми.

Каждый претендент получал какое-нибудь глупое жалкое прозвище. Читал стихи или пел песни на обеденных перерывах. Ну это так, цветочки. Потом все плавно переходило в побои, с нашей стороны, в налеты среди ночи – обливания какой-нибудь мерзостью и прочее. Чем ужаснее, тем лучше. Ведь нам не нужны были сопляки. Как правило, в конце испытаний оставалось человек пять.

И взамен они получали все, что хотели: власть, деньги, ключи от всех дверей, наших девочек, ну и нашу „братскую дружбу“.

На мои плечи в последнее время упало слишком много – я постоянно улаживал дела с полицией, которые активно начали копать под нашу организацию. Обычно копы не трогали студенческие братства, так как, для виду, такие как мы всегда вели какую-нибудь хорошую деятельность, выставленную на показ, – благотворительность, различные фестивали.

В глазах общества мы должны выглядеть милой организацией студентов, иногда устраивающих вечеринки, но никак не контрабандистами и торговцами оружием. Когда я вступал сюда, то и сам не думал, что столкнусь с таким. Но, как оказалось, все было правдой.

Ребятам же нужно было наращивать денежный оборот. Да и мое наследство не вечно. Меня радовало лишь то, что заправляли этим Гидеон и Алекс – я же, как лицо братства, был ответственен за отношения с полицией и прочую чепуху.

– Думаю, десять-пятнадцать, – наконец ответил я, расправляя плечи.

– Ребекка придет? – вдруг спросил Гидеон, глядя мне прямо в глаза. Я сразу почувствовал напряжение. Бекка нравилась этому ублюдку. По тем же причинам, что и мне. Он хотел Ребекку, и это было понятно даже по тому, что он вспомнил сейчас о ней.

– С какой целью интересуешься, брат? – прищурился, оглядывая Гидеона с ног до головы.

– Проверяю тебя. Сдается мне, у тебя к ней не хилые чувства.

– Чувства? Пф..., – меня аж перекосило. Главное – не перестараться с эмоциями. – Я просто ее трахаю.

– Поэтому ты так сильно настаивал на том, чтобы мы ее не трогали? Жаль поделиться?

– Есть такое, – как можно более сдержанно подметил я. – Когда наиграюсь, обязательно тебе сообщу.

– Ну разумеется. – Он расплылся в притворной улыбке, которая означала только одно „Стоунэм, ты что-то скрываешь. И я узнаю что“.

С Гидеоном нужно быть осторожнее.

Да, интересное у меня будет время за шаг до сумасшествия. Гидеон. Еще этот павлин из Монако, о котором мне уже все прекрасно известно.

Я знал почти все об отдыхе Бекки во Франции. Я даже был рад тому, что она туда съездила – этим самым девушка подарила мне столько козырей, которыми я сыграю против нее.

Сейчас мне остается только гадать, почтит ли она нас своим присутствием сегодня вечером.

* * *

– Как президент „Дельта Зет“... – в моих руках бита, и я стою на возвышении в окружении своих братьев и прибывших кандидатов.

– И как вице-президент, мы объявляем... – дополнил меня Александр, стоявший рядом. Несмотря на то, что нам предстояла вечеринка у бассейна, мы были одеты официально: рубашка и галстук с гербом „Каппа Зетта Дельта“. Бита была главным атрибутом всех наших собраний.

Связано это было с Кодексом нашего Братства (да уж, здесь все как в настоящей секте, и, если честно, она меня начала серьезно затягивать). Гимн, правила, различные слоганы и другие ритуальные обряды я знал наизусть, как и полагалось Президенту.

Короче говоря, во время отсутствия своей игрушки номер один я совершенно не скучал.

– Первое собрание Братства в новом году! В новом сезоне. И приветствуем наших новичков! – я оглядел полных энтузиазма странноватых парней, которые еще не были удостоены чести носить нашу форму.

– „Рыцарство превыше всего“! – хором заорали с Дюжину моих „братьев“, и я одобрительно кивнул.

– Наш слоган, запомните. Я надеюсь, это не трудно, – Александр ухмыльнулся, потирая руки. Наверное, не терпелось над кем-нибудь поиздеваться. Об этом мечтал любой из моих братьев, ибо они, когда вступали в братство, проходили тот же самый отбор. И сейчас они желали отыгаться.

Пройдет пару лет, и новобранцы повторяют это с новыми прибывшими, и так многие десятилетия и столетия, пока будет существовать наше Братство. А жить оно будет вечно. Мне удалось избежать всего этого, благодаря своему имени, а этой чести удостоивались лишь единицы.

Я Президент и точка. Нет ничего, что я не мог бы контролировать. Конечно, кроме демона, который живет внутри.

– Я сделаю так, чтобы этот год вошел в Историю!

– Не знаю, в курсе ли вы, ребята, но „Дельта Зет“ славится своими безумными пьянками, лучшими девочками и самой классной дурью, – Александр нажал на кнопку пульта в его руке и включил настенный телевизор.

Кадры на экране замелькали: сначала появлялись крупные цифры на черном фоне с изображением определенного года. Гидеон лично подготовил небольшой мини-фильм о нашем Братстве и о лучших вечеринках прошлогодних лет. Он позаботился о том, чтобы в коллекцию были собраны самые безумные кадры с драками, льющимся рекой алкоголем, громкой музыкой и девушками на любой вкус и цвет. В Братстве творился настоящий трэш, о котором все догадывались, но никто об этом не знал. Кроме, конечно, постоянных посетителей наших вечеринок. Но, как правило, это были мы – сами братья, шлюхи и избранные девушки, которых мы хотели видеть, вроде Ребекки.

Им было не выгодно рассказывать о нашей деятельности, ведь тогда они автоматически становились соучастниками этого безумия.

Под конец фильма все присутствующие в зале громко заорали, поднимая руки вверх!

– Этот год будет самым безбашенным, самым безумным в нашей Истории! Сегодняшняя вечеринка – только цветочки. Отныне, вы становитесь нашими Кандидатами! И уже к завтрашнему дню вы должны знать все наши правила, гимны и слоганы! Сегодня мы позволим вам веселиться вместе с нами, но вы должны понимать, что встаете на нелегкую дорожку, и в конце испытаний вас ждет „Адская неделя“ (прим. Время, когда оставшиеся Кандидаты на вступление проходят самые жуткие последние испытания)!

– Вы знаете, это будет жутко! И очень нелегко, – Александр указал рукой на стену, где висели фотографии наших предшественников и старейшин, как мы называли их между собой. – Так что задайте себе вопрос. Хотите ли вы оказаться на этой стене рядом со всеми героями прошлого? Хотите, закончив

студенческую жизнь в братстве, стать владельцами всего мира? Мы можем дать вам небывалые возможности, безудержное веселье в обмен на ваши деньги и Верность Братьям!

- Даа! Да! – несколько десятков мужских теноров заорали в унисон. Мы заглушили даже музыку, доносившуюся снаружи, где у бассейна нас уже ждали алкоголь и девочки.

- Братьев скрепляет особая связь, – продолжил я, когда все немного успокоились. – Несмотря ни на что, мы – семья, которую выбрали сами. Каждый из нас был по-своему одинок, когда мы вступили в братство.

Я посмотрел на Тристана, что все это время молчал.

- Трис стал жертвой развода своих родителей. Алекса вышвырнули из баскетбольной команды за драки, как ненужный мусор. У каждого из нас своя история. Но вместе мы – сила!

- „Верить в путь любви, идти дорогой чести, служить идеалам тьмы: вера во власть и успех – и есть идеалы „Дельта Зет““. Это и есть девиз нашего Братства! – хором провозгласили Братья.

- Дельта Зет!

- Дельта Зет! Дельта Зет! – шепотом, как тайное знание, произнесли мы и сложили наши руки вместе, встав в круг.

- Так, давайте начнем этот год так, чтобы его запомнил каждый!

- Ты хотел сказать: так, чтобы никто ничего не запомнил? – подметил Гидеон, намекая на то, что сегодня мы пропьем и прокурим все свои воспоминания.

- Да, именно это я и имел ввиду, – я направился к выходу с битой в руках и распахнул двери.

О да, зрелище было идеальным. Громкая танцевальная музыка, девочки в купальниках, плескающиеся в бассейне. Много еды, алкоголя и запаха сигарет и

травки.

Все наши вечеринки проходили под одним кодовым названием: „Прожигатели жизни“.

Ребекку в толпе разбежавшихся братьев я пока не видел. Возможно она вновь покрасила волосы или что-то в этом роде. Она же любила меняться.

Придется пока развлечь себя другими способами.

К счастью, от мыслей о Ребекке меня как раз отвлекла девушка, подоспевшая вовремя. Облачена она была лишь в короткую юбку и верх от купальника, прикрывавший небольшую упругую грудь.

– Коул Стоунэм, – она облизнула свои губы, прикоснувшись к верхним пуговицам моей белой рубашке. – Вечеринка у бассейна, не так ли?

– Да, сладкая, – подыграл ей я, вглядываясь в ее пустые, но очень яркого зеленого цвета глаза.

– Я могу помочь тебе соответствовать дресс-коду, – ее ловкие пальчики расстегивали пуговицы с невероятной скоростью, и уже через несколько секунд я остался без рубашки.

– Это оставь, – попросил я, когда она дотронулась до моего галстука.

– Как скажешь, мой президент, – шепотом проворковала она, наматывая на палец прядь из светлых волос. Мне никогда не нравились блондинки. Но, в принципе, сойдет, будет очень кстати, если Бекка увидит меня в окружении красивых девочек. Пусть понимает, что все это время без нее я не скучал.

И пусть это будет ложью в последней инстанции. Потому что правда состояла в том, что я не мог по ней скучать.

И я не вспоминал Ребекку – в этом не было необходимости.

Она всегда находилась во мне, рядом со мной, будто бы она забралась мне под кожу.

Глава 3

Ребекка

– Что? Этот больной налил в твою ванну молока и усыпал ее лепестками синих роз? – Мерседес уставилась на меня через экран моего ноутбука. После всего того, что увидела в ванной, мне стало так плохо и одиноко, что я была больше не в силах держать все в себе. Мерс как раз позвонила мне, чтобы узнать, как я добралась до дома – и вот результат: я выложила ей все, прямо как тогда Кайлу на качелях. Не знаю, что на меня нашло. Я не должна так доверять ей. И все же слова не вернешь – целых полтора часа ушло на то, чтобы рассказать Мерседес нашу с Коулом историю.

– Слушай, а он мне нравится, – она расхохоталась, расплываясь в широкой улыбке. – Да, у него, конечно, явные проблемы с головой, и все же... Вы – горячая парочка.

Я со злостью посмотрела на Мерс, подавив в себе желание быстренько захлопнуть ноутбук и отправиться с Зевсом на пробежку.

– Ты не понимаешь, Мерс. Он за мной следит, знает буквально о каждом моем шаге. Я уверена, у него есть против меня все. А взамен...

– Ты должна ублажить его в постели. По-моему, так себе мучение, не находишь? – продолжила шутить она. – Скажи мне, вот что мучительного в оргазме?

– Все не так просто. Он унижает меня. Перед всеми. Перед собой только в первую очередь.

– Ну не знаю... Может, у него есть к тебе чувства, просто они такие...
Своеобразные?

Я и забыла это чувство – то, что ты можешь с кем-то обсудить свою жизнь. Свои проблемы.

– Нет, однозначно. Он просто псих, который любит трахаться, – поставила диагноз я, и мы рассмеялись вместе. – Нет, я серьезно... Я хочу, чтобы все было теперь по-другому. Я устала быть для всех вселенским злом. Я хочу вырасти.

– Ну что же тебе мешает? Занимайся своими делами, скинь привычную маску стервы, но вот цену себе знай.

– И... Что это значит?

– Это значит, что ты просто обязана пойти на эту грандиозную вечеринку и предстать перед ним. Сексуальной, уверенной, красивой. Ты должна четко и ясно дать понять, что тебе не страшны его угрозы.

– Я делала это и много раз! – возразила я, вспоминая то, чем обычно все заканчивалось. Например, тем, что Коул отослал мои „грязные“ фото Элине и Николасу.

– Так сделай еще раз. Это лучше, чем закрыться в комнате и ничего не делать! Продолжай вашу игру... И в момент, когда он будет думать, что ты принадлежишь ему, нанеси удар в спину. Сделай ему еще больше.

– И как? У меня на него ничего нет, – фыркнула я, поражаясь тому, как у этой мулатки все просто.

– Сейчас – нет. Но в нужное время решение придет само собой. Когда вы сблизитесь. Он – хороший психолог, не более, и играет на этом. Настало время быть и тебе похитрее – узнать о нем побольше.

Я прислушалась к Мерс, понимая, что она права. Коул каким – то чудесным образом знал обо мне все вплоть до моих любимых цветов и вкусовых предпочтений. Я же не знала о нем ничего – все от его татуировок до мыслей в

голове представлялось мне непроглядной тьмой без единого лучика света.

– Сблизься с ним, – сделала заключение Мерседес, играя бровями. – Конечно, придется пожертвовать чем-то. Но я не думаю, что ты сильно опечалишься, когда придется еще не раз оказаться в его постели. Думаю, тебе это нравится.

– Нет, – слишком резко заверяю я, тут же вспоминая прикосновения Коула. – Нет, да там... Смотреть-то не на что.

– Не ври. Я уже погуглила. Чертов красавчик, – она поджала губы, уставившись в свой телефон. – Согласна, внешность необычная, но что-то в нем есть. Его взгляд даже через фотку пробуждает мурашки. Уух. Я бы сама с ним...

– Да пожалуйста, – проворчала я, делая равнодушный вид. Меня вдруг выбесила эта привлекательность Коула. Его обаяние, его взгляд, все это действовало на девушек довольно мистическим образом. Несмотря на его шрам, на то что он не обладал такими же идеальными чертами лица, как, например, Брэд Питт или даже всем известный Максимилиан Кенинг (герой серии, романа „Позволь мне тебя коснуться“).

– Так что немедленно надевай свой самый красивый купальник и иди туда. И ничего не бойся. Главное – создать в его голове иллюзию, что ты полностью под его контролем. Только тогда ты сможешь выудить все, что тебе нужно, и использовать свои знания против него. А я пока пороюсь в Интернете, может быть прочитаю про него что-нибудь интересное.

– Хорошо, пожалуй, так и сделаю, – я впала в легкий ступор, мысленно перебирая все свои купальники. На повестку вечера вставал лишь один вопрос: какой из них одеть?

* * *

В Братстве очень редко проводились открытые вечеринки, но первая в году всегда была такой. Конечно, и на нее попадали не все – лишь кандидаты, которые хотели узнать о Братстве больше и вступить в него, и новые девушки. Нужно же было Братьям искать новых жертв.

На самом деле, девушки мечтали сюда попасть – каждая лелеяла мечту о том, что завладеет влиятельным мужчиной и после окончания колледжа станет чуть ли не первой леди.

Ага, если к тому времени у ее парня не появится куча проблем с законом. После того, что я увидела в комнате для прислуги братства, поняла одно: вся их общественная деятельность во благо, хоть и была полезной, являлась всего лишь прикрытием грязных дел.

И все же они не скупилась – может быть, тратя деньги на благотворительность, они надеялись заплатить за свои грехи, но что – то я с трудом верила, что у Александра, Коула, Гидеона и других вообще есть совесть.

Хотя, и я никого не в праве осуждать после того, что сделала. Возможно, для меня уже нет правильной дороги. Но если я не попытаюсь, то так никогда и не узнаю об этом.

До особняка я доехала за несколько минут – на такси. Не очень-то мне хотелось добираться до сюда пешком, на каблуках, еще и в прозрачном платье – кимоно, под которым у меня был лишь черный слитный купальник с глубоким V-образным вырезом до пупка.

Темные коридоры, освещенные цветомузыкой, встретили меня под саундтрек Major Lazer – Lean On. Один из братьев на входе посмотрел на меня как-то подозрительно долго, но пропустил без вопросов. Коридор был усыпан шарами с гербом „Дельта Зет“, а плакаты на стенах стрелочками показывали мне проход к бассейну и прилегающей к дому территории.

Я и без этих стрелок прекрасно знала куда идти: воспоминания об этом особняке, внушающие страх, ужас и отчаяние, захватили меня. Сделав глубокий вдох, попыталась прийти в себя, но взгляд сам упал на лестницу, ведущую вниз – на территорию Коула. Всего несколько шагов, и я могла бы оказаться в его кабинете, где мы устроили драку.

Там, где я разбила настенные часы, толкнув его прямо на застекленный циферблат. В его комнату, где испытала целый спектр эмоций, находясь в его власти.

Найти его слабое место. И использовать против него.

Я вышла на открытую террасу, оглядывая всех присутствующих. Очень много девушек и где – то три десятка „братьев“. Некоторые расслабляются в бассейне, кто-то занят алкоголем и едой. Кто – то участвует в конкурсах – скорее всего, они для Кандидатов, которые должны пройти свои первые испытания. Кое-кто даже валяется на траве, обнимаясь с бутылками пива. Никто даже и не заметил моего появления – виной тому свет или затуманенные разумы всех, кто здесь находился.

Мой взгляд сам нашел Коула – даже боковым зрением я поняла, что только он может восседать на кресле у бассейна. На коленях его устроилась светловолосая девушка, и его рука обвивала ее хрупкую талию. Как только я увидела татуировку скорпиона на его предплечье по телу пробежался иней, пробуждая внутри сотни связанных с Коулом воспоминаний.

Не важно, что рядом с ним была девушка и не одна. Вторая нежно массировала его плечи, что-то настоятельно шепча парню на ухо. Лицо Коула при этом было снисходительным с едва заметной улыбкой. Глазами он никого не искал – скорее наоборот уставился в одну точку, будто бы сдерживал свой взгляд.

Все это было не важно.

Я видела его. Он находился рядом уверенный в том, что они смогут заменить меня. А может, выжидающий моего появления.

В любом случае, мне нужно что-то сделать, чтобы появится эффектно, а не выглядеть истеричкой, отгоняющей от него приставучих телок.

Гордо расправив плечи, я потянула свое кимоно за края и сняла, оставаясь в одном купальнике. Кто-то заметил это зрелище и показал на меня пальцем, вскрикнув:

– Смотрите! Это же Картер! – Его голос сопровождали кивки и одобрительные возгласы „снимай купальник!“.

Я не думаю. Я просто прыгаю в воду. Она приятная, теплая, и достигаю самого дна бассейна, касаясь его руками. Как бы мне не хотелось спрятаться от всех взглядов, всплыть все же придется.

Я выныриваю из воды, откинув голову назад, и взмахиваю волосами. Лестница, ведущая к выходу из бассейна, рядом, и я хватаюсь за поручни, чтобы выйти.

Ловлю на себе пристальный взгляд Коула, и с удовлетворением замечаю, что девушек вокруг него больше нет.

Интересно, он прогнал их, или они отошли, чтобы вскоре вернуться?

Смотрю на сероглазого Дьявола с вызовом так, будто не боюсь ни его слов, ни его угроз, что вот-вот вырвутся из его губ. Но кидать он их не спешит – его губы застывают в усмешке, в глазах черное пламя. Пока я замираю в позе, упираясь одной рукой в талию, он картинно взмахивает руками и хлопает мне.

– Ребекка, – выдыхает он, сохраняя лед в своем голосе. – Ты пришла.

– Я не могла упустить шанса... Исккупаться.

– Тебе не хватило моря в Монако? – процедил сквозь зубы он, и я уловила властные нотки в этой фразе.

– Я не люблю открытые воды, – Коул встал с кресла и направился прямо ко мне. Его взгляд бесстыдно блуждал по моему телу, будто бы он не мог насытиться увиденным.

– Картер, прыгни еще раз! Сними купальник! – доносились подобные крики из толпы, на которые я не обращала внимания.

Я же пыталась смотреть в его глаза, а не на рельефный обнаженный торс и галстук, повязанный на его шее. Кстати, замечательный атрибут на тот случай, если вдруг понадобится придушить его.

– Соскучилась? – ладонью и взглядом он приказал всем замолчать. Кандидаты тут же отвернулись от нас, а остальные братья продолжили развлекаться с

девочками. Вечеринка продолжилась, и на нас с Коулом уже никто не смотрел. Я же еле сдерживала свои ноги на месте, по мере того как он наступал на меня.

Волны энергии, исходящие от его тела, действовали на меня так, что хотелось убежать мгновенно и без промедлений.

Я лишь коротко качаю головой из стороны в сторону, стараясь сохранять внешнее безразличие.

– А вот я скучал, – произнес Коул, оказываясь в шаге от меня. Его руки приоткрылись, чтобы обнять меня, и это насторожило: с чего вдруг эти нежности?

– Неужели? – Я вдруг почувствовала себя неуютно в этом мокром купальнике и быстро перекинула волосы к себе на грудь, чтобы хоть как-то прикрыть наготу.

– Да, я скучал по тебе, – Коул вдруг изменился в лице и наклонился к моему уху, чтобы прошептать это. Его рука бесцеремонно коснулась моей талии, и, приобняв ее, он повел меня вперед – со стороны казалось, что мы пара и отправились на прогулку, да только вот я совершенно растерялась от такого поведения.

Настолько, что даже ни слова не сказала, пока он вел меня к дому в небольшую беседку, расположенную поодаль бассейна.

– А вот ты, как я понимаю, нет, – глаза Коула сузились, когда мы оказались в каменной беседке. Здесь не было ничего, кроме нескольких горшков с цветами.

Его рука по-прежнему давила на мою талию, но я была не в силах ее одернуть.

Я замолчала, опустив взгляд. Нечто странное происходило прямо сейчас. „Скучаю“ – так искренне звучало это слово в его устах. Но я знала, что в делах с Коулом от всего нужно ждать подвоха и обмана. К тому же, теперь у меня есть Стефан. Я надеюсь... на будущее с ним.

– Не в моих правилах скучать по человеку, который меня раздавил. Тогда, на дамбе... Ты все сказал, – я наконец одернула его ладонь и прислонилась к

каменному столбу, заведя себя в тупик.

Он сделал глубокий вдох, сжав побелевшие кулаки. Мое сердце опустилось в пятки, когда он взглянул на меня исподлобья, и в один миг его сладкий голос сменился разрушительным гневом.

– Поэтому ты нашла утешенье в объятиях этого французишки? – рявкнул он. Желваки парня были напряжены – первый признак злости в образе Коула Стоунэма.

– Откуда ты знаешь? – я склонила голову набок. – Хотя, стоп. Даже не так. Какое тебе дело?!

– Ты действительно не понимаешь? – усмехнулся он, продолжая гореть от злорадства. Ох, это было безумство. Еще никогда, я не видела такой ревности в его глазах.

– Ты – моя игрушка, – снова повторил он, потирая костяшки пальцев на своей руке. – Не чья-нибудь. Моя.

Моя.

Звучало бы мило, если бы не этот взгляд и тон, который обрекал меня на вечные муки.

– Коул, когда ты наконец поймешь, что мир вертится не вокруг тебя? – Я скрестила руки на груди, чувствуя себя так более защищенной. – Я никогда не была твоей. Это иллюзия лишь в твоей нездоровой голове!

– Зато я отлично знаю, какую иллюзию ты создала в голове этого наивного идиота, – фыркнул Коул, явно поражаясь глупости Стефана. – Девственница? Ты шутишь?

Казалось, что внутри меня даже кровь застыла – ну как, как он мог все знать?!

– Я наблюдал за тобой, – вновь повторил излюбленную фразу он, отвечая на мой вопрос вслух. – Бедняга. Он даже не представляет, каких размеров разочарование его ждет...

– Ты охренел?! – Коул и его грязный язык не знаю никаких границ, и это меня достало.

– Дай-ка подумать, – он сделал вид, что задумался, приложив пальцы к подбородку. – Еще нет. Обнаглел, это когда – так, – Коул сделал шаг ко мне, и я в миг почувствовала его горячее с привкусом сигарет дыхание на своей коже. Он развел мои руки перед собой и зажал запястья на бортах беседки. – Вот так, – освободив одну руку, он обхватил мою грудь ладонью, дотронувшись до соска, просвечивающего через тонкую ткань купальника.

Его палец прошелся по кругу, и, не почувствовав моего сопротивления, он ловко отодвинул черные края, и обнажил мою грудь.

– Коул, прекрати, – с мольбой в голове попросила я, понимая, что весь мой план рухнул, как и предполагалось. Я могла не стараться. Лучше было бы вообще не приходить.

Безвольная игрушка. Я только что позволила ему вновь лапать меня.

– Убери свои руки, я сказала!

– А то что? – нахально и грубо поинтересовался он, сильнее сжимая мою грудь в ладони. – я соскучился по твоей большой груди, которая так легко поддавалась моим ласкам.

Его голос перешел на хриплый шепот, который действовал на меня магически. Черт... Соберись, Бекка.

– Коул, я теперь с другим, – конечно, это не было правдой. Наши отношения со Стефаном были на стадии знакомства, и все же даже о нем я знала больше, чем о Коуле, несмотря на то, что со вторым мы знакомы со школы. – Я пришла сюда только потому, что ты позвал меня. И я пришла попросить тебя, чтобы ты больше так не делал. И предложить... Перемирие.

– У нас не может быть никакого перемирия, наши отношения – не союз. Мы не ровны с тобой. Ты всегда будешь у моих ног, Ребекка, – я прекрасно поняла, на что он намекал. – Или ты забыла? Может, тебе напомнить?

Свободной рукой он схватил меня за волосы, исследуя их руками. От чувств, захлестнувших меня, немели даже кончики на пальцах ног.

– Н-не надо, Коул. Прошу, оставь меня в покое. Я хочу быть с ним. Хочу новой жизни. Я хочу все начать заново и без тебя.

– Тогда тебе придется разделиться, Бекка. Можешь общаться со своим французской сколько угодно, да только в постели ты все равно будешь моя...

– Нет!

– И я продолжу свое любимое дело, только на этот раз я придумал еще более изощренные издевательства и игры. О да. Я уже вижу слезы в твоих глазах...

Мой взгляд предательски затуманился. Дьявол, Ирод, истязатель.

– Нет! Этому не бывать!

– А иначе, у тебя все равно с ним ничего не получится, – с разочарованием подметил Коул, продолжая поглаживать мою грудь медленными, дразнящими движениями. – Ведь одно мое слово, подкрепленное парочкой фотографий, и твоя надежда на счастливое будущее развеется, как дым. Я думаю, этому прилизанному Графу будет интересно получить парочку писем на его электронный адрес.

– Ты этого не сделаешь! Не сделаешь!

– Конечно, нет, – лицо Коула замерло всего в паре сантиметров от моего. – Если ты будешь слушаться. Делать все, что я хочу. Умело проглатывай всю боль, что я буду тебе причинять. И перестань сопротивляться...

– Да зачем?! Зачем тебе все это нужно?! – не выдержала я, посмотрев в потолок, чтобы избежать слез. Я уже несколько раз пожалела, что вернулась домой. Противоречивые чувства боролись во мне непрерывно: тело так и тянулось к Коулу, а вот душа жаждала свободы, которой не могла себе позволить.

– Мне нравится. Даже сейчас я счастлив, наконец-то сжимая тебя в руках. Беззащитную, но волевою. Ты мне нравишься, Ребекка, – он наклонился к моему шее и стал покрывать ее дерзкими укусами так, будто хотел испробовать мою кровь. – Видишь, я даже признаю это. Ты мне нравишься, нравишься... Я без ума от твоей кожи, и я так по ней скучал... По твоим большим холмикам...

Коул прорычал, окончательно оголяя мою грудь, втягивая между зубов мой сосок. Я захныкала, тая от его повелительных прикосновений.

– Коул... Н-не надо.

Но он уже с силой тискал мою грудь, не оставляя ее без внимания своих настойчивых губ. Черт, только бы не потерять сознание. Только бы не упасть прямо здесь, позволяя ему вытворять со мной все, что он пожелает.

– Ты должна благодарить меня, – он вновь поднимается и смотрит на меня. Его губы распухшие, лицо до ужаса довольное. Он уже не делает вид, что равнодушен ко мне, мы уже оба прошли эту стадию. Теперь мы на стадии: „Да, я не равнодушен к твоему телу. А вот душу твою я покалечу на раз-два“. – Я позволяю тебе общаться с ним и строить отношения. Без физического контакта, разумеется. Ведь это...

Он бесцеремонно опустил свою руку меж моих бедер и коснулся моего влажного центра, обнажив зубы в удовлетворенной усмешке.

– Принадлежит мне. Ты вся, – его слова вводят в транс, я не могу поверить, что вновь ведусь на его уловки. Ощущение от его пальцев приятнее в сотни раз просто потому, что я так давно его не чувствовала. – Моя послушная кошечка, – процедил он, проводя пальцами по моим губам. Он надавил на мой рот, проникая в него большим пальцем. Я забыла сделать вдох – настолько была зачарована его серебристо-черным взглядом. Коул... Затягивал меня в свою черную дыру – в место, где я уже была не властна над своим телом и разумом. В место, где правила другие законы физики. Там, где и вовсе не было этих законов.

Я теряла гравитационное притяжение, стоило мне только заглянуть в его глаза – без дна и покоя.

– Благодарности ты от меня не дождешься, – я хотела состричь, что задело бы Коула, но остановила себя, вспомнив слова Мерседес.

Я не должна воевать с ним.

Я должна сблизиться с ним.

– Но ты прав, – я поймала его пальцы зубами и слегка прикусила его до боли. Коул нахмурился. – Я в игре.

– Что? – он явно не ожидал от меня таких слов. Наверное, уже всю представлял меня ползающую перед ним на коленях. Но этому не бывать.

– Ты слышал, – он убрал палец с моих губ, прислушиваясь. – Пусть будет так, как хочешь ты. Считай, что я твоя игрушка, делай что угодно. Но и я буду делать то, что нравится мне.

Лицо Коула застыло, скрывая абсолютно все эмоции, спрятанные в его душе. Лишь пульсирующая венка на лбу выдавала его ярость и пыл.

– В следующий раз, когда я окажусь в твоей постели, знай: мое сердце принадлежит другому. И...

– Да плевать мне кому принадлежит твое сердце! – его пальцы резко врезались мне в плечи. – Понимаешь?!

– Пусть так, – высокомерно согласилась я, сохраняя силу в своем взгляде. – Тогда ты не сильно расстроишься, если будешь видеть меня с другими. С твоими братьями. Со Стефаном.

Коул дернул меня на себя, стремительно прижимая к своему телу. От соприкосновения с его гладким и сильным торсом я судорожно вздохнула, едва не застонав.

– Это же всего лишь игра, а я твоя игрушка. Так играй со мной, когда тебе хочется. Но свободу ты мне уже пообещал, а джентльмены не берут своих слов назад, верно?

Наши лбы столкнулись, и вот мы уже жадно дышим друг другу в губы. Все во мне мечтает слиться с губами Коула, но я знаю, что не могу позволить себе этого прямо сейчас.

В моей голове рождается гениальный план по сближению с ним, по уничтожению Коула – все это чистой воды вдохновение, когда отдельные части пазла вдруг соединяются воедино.

Он сделал все, чтобы покорить меня. Теперь я сделаю с ним то же самое. И в момент, когда он откроется мне, приклонится... Я раздавлю его, как песчинку.

– Верно, – наконец смирившись, он отпустил меня, не прерывая зрительного контакта. Его взгляд упал на мою обнаженную грудь, и я поправила купальник, чтобы прикрыть ее.

– Я пришла на вечеринку. И я – твоя гостья. Так что, я думаю, тебе следует быть более Гостеприимным.

Я обхожу его с левой стороны, но он берет меня за запястье и, прищутив глаза, произносит:

– Только попробуй с ним переспать, Бекка. С ним или с кем бы там не было. Полигамность – это мужская привилегия.

– Думаю, переживать тебе не стоит, – я прошлась языком по верхней губе, подразнивая его. – Стефан украл мое сердце с первого взгляда, но достанусь ему я лишь после свадьбы. В отличие от некоторых, он умеет ухаживать за девушкой и добиваться ее. А вот с твоими Братьями я бы пообщалась.

– Зачем? – его пальцы сомкнулись на моем запястье, словно стальные цепи. – Они терпеть тебя не могут! Только попробуй... Хочешь, чтобы я вернулся к шантажу?

– Ты уж определись. Ты дал мне свободу, – парировала я, вырываясь из его хватки. – Я пообщаюсь с ними... Всего лишь. Теперь, я – новая Ребекка Картер.

Смерив Коула бесстрастным взглядом, пошла прочь, оставляя его наедине с собой. Пока иду, всей кожей чувствую, как он провожает меня взглядом. Как он смотрит на мои бедра... Не знаю, как объяснить это, но я уверена, что он хочет меня остановить.

Побежать за мной.

Забрать, завладеть и утащить к себе.

Но так он подорвет свой авторитет, наша игра закончится, и мы превратимся в жалкие подобия самих себя.

Мы не такие.

Нам необходимо бегать по лезвию бритвы и танцевать на вершине пропасти. Или лежать на краю дамбы.

Для нас это все равно, что дышать. Причем после задержки дыхания.

Я вновь подхожу к бассейну, ловя на себя взгляды недовольных девушек и откровенно глазающих на меня Кандидатов. Кто – то из них уже напился, одного из них изваляли в некоем подобии грязи – один из первых Ритуалов посвящения.

Я прекрасно знала, как жесток отбор в их мафиозную секту. Слабеньких сюда не брали, поэтому почти все члены Братства были похожи друг на друга – все жестковатые, дерзкие и лицемерные. Нужно же было им притворяться хорошими и уметь льстить людям. Иначе, вся грязь, что они вершили, уже давно бы вылилась наружу.

– Ребекка, ты выглядишь странно, – ко мне подошел Гидеон, облаченный в расстегнутую рубашку и галстук. – Что заставило тебя вернуться в наш дом после того, как ты сдала нас копам?

Он знает. Удивительно, что он так спокойно об этом говорит.

– Ничего личного, – я повела ресницами, глядя на него с напускной нежностью. – Я думаю, ты простишь мне эту маленькую ошибку.

– Ошибку? Если бы твой план сработал, нас бы сейчас здесь не было, – выплюнул он, приглаживая свои и без того прилизанные русые волосы. – Это был поступок очень плохой девочки.

– Ну теперь я изменилась, Гидеон, – я улыбнулась, взяв его за руку. С удивлением поняла, что делаю это с легкостью – абсолютно ничего не испытывая. Кажется, я могу сделать с Гидеоном все, что угодно, но это не вызовет во мне ни капли эмоции. – Теперь все будет по-другому. Стервы Картер больше нет. – Тут я сделала то, что должна была – прильнула к груди Гидеона, позволяя ему обнять меня. Мой взгляд невольно метнулся к Коулу стоящему в дали, и все внутри меня съежилось при виде омерзительной картины.

Коул обнимал невзрачную блондинку в откровенном купальнике. Точнее, это были тонкие веревки, одетые на голое тело. Его рука властно замерла на стройной пояснице девушки, но взгляд был целиком и полностью сосредоточен на мне с Гидеоном.

Поэтому я тут же перестала даже искоса поглядывать в его сторону, продолжая осуществлять свой план.

Его ревность только усилила мой пыл, и я смело пробежалась ноготком по галстуку Гидеона.

– Да неужели? – голос Гидеона сорвался, как только он почувствовал мой пальчик. – Может быть пойдём в мою комнату, и ты расскажешь об этом поподробнее?

– В другой раз.

– Когда? Ребекка, ты издеваешься надо мной?

– Просто общаюсь. Во Франции мне так не хватало мужчины.

Я продолжала смотреть на него, стреляя глазками. Да только чувствовала я себя объётой пламенем. И пламя это исходило от Коула. Так, будто бы он без перерыва кидал в меня огненные шары.

Ревности.

Как жаль, что ревность не имеет ничего общего с любовью. Любовь созерцает, а ревность лишь душит, причем так медленно и мучительно, что даже сгореть заживо лучше, чем отдаться этому самоистязанию.

– Тогда давай искупаемся, – предложил он, подводя меня к краю бассейна. – Расскажешь, как провела это лето.

Я присела на плитку и спустила ноги в теплый бассейн, поймав в руки надувной мяч, который в меня кинул один из Кандидатов.

Гидеон присел рядом, и я искренне рассмеялась, кинув мяч обратно. Почему-то парень не поймал его – наверное, был слишком пьян, чтобы сохранять координацию движений.

Мы с Гидеоном нырнули под воду, и я была настроена только на то, чтобы общаться с ним, как делала это со Стефаном.

Счастливая, невыносимо свободная, вопреки власти Коула – пусть он смотрит на это, считая себя победителем в нашей игре.

Я прекрасно знала, что при всех он не будет проявлять своих чувств. Но, надеюсь, я буду готова к его гневу, когда мы вновь окажемся наедине.

Глава 4

Коул

Возмущение охватило в тот самый момент, когда я наблюдал за тем, как Бекка неплохо проводит время.

Что это вообще было?

Я предвкушал, ждал этого целый месяц. Я ликовал, когда завел ее в эту беседку, в надежде на то, что сначала она будет умолять меня о том, чтоб я был менее жесток... Потом она бы сдалась, сказала о том, что творится у нее в душе.

Мне почему-то хотелось, чтоб Бекка не просто принадлежала мне, как вещь, но и испытывала ко мне...

Нет, это бред. Даже в уме я не способен представить это слово и то, что оно означает.

Скажем так: испытывала бы ко мне привязанность.

А что я получил? Согласие. Согласие со всем, что буду с ней делать, и это просто сводило меня с ума.

Казалось бы – протянуть руку, вытянуть ее из бассейна и увести в спальню, где я смогу трахать ее всю ночь напролет. Наконец-то.

Хватать ее за волосы, за полные округлые бедра, цепляясь за ее кожу, царапая и кусая, доводя до исступления.

Черт. Картины возможного будущего так настойчиво засели в голове, что я не мог найти себе покоя.

Но на деле все было иначе, после слов Ребекки о том, что ее сердце принадлежит другому.

Неужели она говорит правду?

А если и говорит, то какая мне к черту разница, что там она чувствует? Пусть хоть в Гидеона влюбляется, это не мешает мне владеть ее телом.

Даже сейчас, когда я обнимаю эту девушку, приятно разминающую мне плечи, представляю Ребекку.

Каждый раз, когда ты будешь в постели с другой, ты будешь думать только обо мне.

Ее слова постоянно всплывали в моей памяти, словно это был заговор или заклинание, которое, к моему несчастью, прекрасно действовало.

– Коул, может пора уйти в более тихое место? – Вайолет (о, я даже запомнил ее имя) уже несколько минут пыталась меня соблазнить. Ее худощавое тело прижалось к моим бедрам, и, уверен, она почувствовала мою эрекцию, которая, к сожалению, была вызвана не прикосновениями девушки.

Там в беседке я еле сдерживал себя. Одержимость вновь пришла как кайф, накрывающий после употребления наркотика.

Она вернулась, и это чувство вернулось вместе с ней.

– Я не могу, мне еще предстоит много дел здесь. Это первая вечеринка года, я должен следить за кандидатами.

Почти убедительно.

– Странный ты, Стоунэм, – Вайолет провела языком по моей шее, напоминая мне собаку – настолько ее движения были неловкими и неуместными. От этого передернуло, но виду я не подал. Все же она была девушкой, и, конечно, мне было приятно любое внимание к моей персоне.

Просто мой сдвинутый мозг немного помешался на той, что этого не заслуживала.

Она заслуживала унижений, она заслуживала боли.

– Сладкая, – безжизненно заметил я, ущипнув ее за попку. При мысли о том, что Ребекка этого не видит, увлеченная беседой с Гидеоном, несказанно расстроила меня.

Гидеону лучше держаться от меня подальше ближайшие двадцать четыре часа.

Лучше сразу надеть бронежилет и закрыться в подземном стальном бункере.

Потому что я намерен подпортить его точеную морду.

Собрав всю волю в кулак, отвернулся от Бекки, заигрывающей с этим поддонком.

„Брат, за брата“, – это правило не будет распространяться на меня сегодня вечером. Черт возьми, да тут все поглядывают на Ребекку, как на праздничный торт, и ведь думают, что она свободна.

Им и в голову не приходит мысль о том, что даже дышать в ее направлении – запрещено.

Я пытался выполнять свои обязанности, смотреть на то, как ведут себя кандидаты. Первая вечеринка года всегда служила своего рода „заманухой“ для новобранцев. Здесь мы показывали свои лучшие стороны для них, как для соучастников нашего сообщества – безудержное веселье, реки алкоголя, командный дух и „бла, бла, бла“. На самом деле, уже сейчас они подвергались глупым испытаниям, которые были прописаны в наших правилах. Например, мой любимый конкурс, который был довольно – таки жесток: в один из раундов выбираются два кандидата. Задача заключается в том, что нужно выпить полуторалитровую бутылку пива, не отрываясь от горла. Конечно, никому этого не удавалось – чревато асфиксией, но тот кандидат, что отрывался первым, автоматически был изгнан. Без возможности вернуться в братство когда-либо еще.

Не знаю, почему парни, желающие вступить в братство, месяцами терпели унижения, чтобы попасть сюда. Было в Братстве что – то затягивающее, как и в любой группировке. Я понимал, что это секта. Но секта, принятая законом США.

И мне нравилось быть здесь главным, ведь это единственное, чем я мог управлять.

Ребекка

Было весьма опрометчиво возвращаться домой в таком виде, в каком я покинула вечеринку. Я не была в доме родителей больше месяца и понимала одно: если я хочу измениться, то должна начать с самого сложного.

Возможно, поговорить с Элиной.

Наполненные отвращением глаза матери до сих пор врезаются в память. Она кидает в меня фотографии моментов, которые я и сама теперь хочу забыть.

Не то чтобы я жалею о своих поступках – нет, это не в моих правилах. Наверное, я наслаждалась такой жизнью.

За все это я уже отплатила сполна – Коул об этом позаботился. Клад собственных грехов осел на моих плечах, тянул вниз, заставляя почувствовать себя птицей без крыльев.

Да, тогда на дамбе я так и не прыгнула вниз, и он спас меня от этого поступка. Но только сейчас, я поняла, что всю свою жизнь только и делала, что падала.

Я никогда не летала.

За исключением тех коротких минут, когда мы лежали с Коулом у дамбы. Тогда он подарил мне одно – надежду. И тут же забрал ее обратно, вновь срубив мои зарождающиеся крылья.

Я пробралась через задний двор, двери там всегда были открыты. Оказавшись в родном саду и заметив наши детские с Кайлом качели, улыбнулась. Пока я шла по каменной дорожке, окинула взглядом домик на дереве, что так же строился для нас с братом.

Я вдруг вспомнила, что это была идея папы, когда я была маленькой. Тогда он еще уделял мне бесценные крупы своего внимания, и я, увидев чудо-дом в одном из мультиков, попросила у него такой же.

„Любой каприз для моей принцессы“, – прозвучало из его уст, и пятилетняя я обрела свой замок, хоть и деревянный. Мы с Кайлом правили, затеяв там безумные игры – и так до тех пор, пока я не выросла. Домик стал для меня редким убежищем для чтения книг, не больше. Теперь он был огромным пылесборником, в который и прислуга – то редко заглядывала.

Весь дом спал, я шла по коридору словно тень, не желая быть обнаруженной. Приоткрытая дверь и мягкий свет, исходящий из комнаты Кайла, заставил меня остановиться посреди коридора. Возможно, брат еще не спал, и у меня есть шанс поговорить с ним, узнать о том, что же происходило дома за последний месяц.

В отличие от моей семьи, мне действительно была интересна их жизнь, только я этого не показывала, отвечая им равнодушием на равнодушие.

Я заглянула в его комнату – она сильно отличалась от всех, что были в нашем доме тем, что была достоянием двадцать первого века. Двух вещей здесь было слишком много – видео игр и предметов, которыми Кайл несказанно гордился: кубки за победы в играх и соревнованиях, футболки с матчей различных сезонов и прочите атрибуты игрока в Регби. Что ж, по крайней мере у него была мечта и дело всей его жизни.

Я кинула взгляд на спящего брата и тут же пожалела о своем поступке. Кайл спал не один. Его правая рука покоилась под белой футболкой девушки, что лежала рядом с ним. Губы его упирались в ее волосы, а рот Кендалл Уайтроуз был слегка приоткрыт.

Тысячи иголок зависти медленно пробрались мне под кожу, не давая вздохнуть. Черт, они выглядели такими безмятежными и счастливыми.

Они спали вместе, чтобы вместе проснуться. Может, они видят один и тот же сон, а накануне вечером занимались сексом, в котором каждый из них страстно шептал друг другу „люблю“.

Меня корбило от тошноты и от горечи: Коул никогда не проснется со мной вместе. Он будет хватать, тискать, рвать, пользоваться до тех пор, пока ему не надоест.

Он не обнимет меня во сне, не прижмет к себе крепче, боясь потерять. Он не такой.

И я не такая.

Стремительно покинув его комнату, я прошла по коридору дальше, отметив, что дверь в спальню родителей тоже приоткрыта. Желания войти туда завершено не возникло: еще в детстве я видела то, что они спали на разных кроватях. Отец мог уйти в свой кабинет и ночевать там, часами отработывая искусство речи перед зеркалом. Элину же это не особо заботило, как я думала, ее больше волновали собрания сплетниц, мой вес и наше с Кайлом будущее, которое должно было быть идеальным в ее представлении.

Переодевшись уже в своей комнате, я поняла, что все мои вещи так и остались нетронутыми: лишь отсутствие пыли и чистый воздух свидетельствовали о том, что здесь регулярно убирала прислуга. Тем не менее, больше никто сюда не заглядывал, подумала, с тоской оглядывая мои подушки. Никто по мне и не скучал.

„А вот я соскучился по тебе, Ребекка“.

Я дернула головой, стараясь избавиться от навязчивого тенора в моей голове.

Говорят, прежде чем стать любимой, нужно полюбить себя. И я всегда считала, что мне это прекрасно удастся.

Но я ошибалась.

Девушка, окруженная любовью, никогда бы не стала на путь саморазрушения.

И сейчас я отчаянно пыталась с него свернуть, начав что – то предпринимать в своей жизни. Пусть Элина говорит что угодно, папа бьет равнодушием, а вся семья нервно качает головой при упоминании моего имени.

Я докажу им всем. Но в первую очередь докажу себе, чего стою.

Расчесав перед зеркалом волосы, я обнимаю себя за плечи и шепчу своему отражению, в котором вижу далеко не идеальную девушку. Зато без косметики я похожа на невинного ребенка, а не на грешную представительницу человечества.

– Я..., – хочу сказать что-нибудь, обнадеживающее самой себе, но в дверях вдруг вижу движение. На пороге моей комнаты стоит мама – немного сонная, в роскошном голубом шелковом халате, с шикарной волнистой укладкой на голове, которая осталась у нее с вечера. Светлые волосы она немного обстригла, изменившись с нашей последней встречи.

– Разговариваешь сама с собой? – строго поинтересовалась она, вместо предполагаемого „Здравствуй!“.

– Что тебе нужно? – тут же огрызнулась я, выпустив когти. Отвернувшись от зеркала, присела на свою кровать, накрывшись одеялом, всем своим видом показывая, что собралась спать и не имею ни малейшего желания обсуждать то, насколько я там, опять, недостаточно хороша.

– Разбудили чьи-то шаги, – Элина взмахнула руками, без приглашения проходя в мою комнату. – Как оказалось, шаги блудной дочери. Которая уехала на другой конец света и ничего об этом не сказала!

Как ни странно, ее голос был равнодушным. Даже слегка злым и взволнованным.

– И что? С каких это пор я удостоена звания „дочь“? Помнится, в последний раз, когда мы виделись, я была „неблагодарной тварью“. Это, что, продвижение по карьерной лестнице?

– Одно другому не мешает, – рассудила она, приближаясь ко мне. Лишь на мгновение она расставила руки так, словно хотела обнять меня, но Элина лишь уперла их в бока, осадив: – Мне звонил некий Стефан Марсо. Очень вежливый, приятный мужчина. Сказал, что у него к тебе серьезные намерения, и поблагодарил меня за то, что я воспитала такую... – Она смерила меня высокомерным взглядом. – „Чистую, хорошую“ девочку. Как я понимаю, ты наплела ему сказок.

Я лишь кивнула, не собираясь этого скрывать.

– Я так понимаю, он из Монако?

Я снова кивнула, чувствуя то, что Элине он уже нравится.

– Что ж, я удивлена, но ты оказалась не так безнадежна, как я думала, – Элина присела на мою кровать, ее взгляд был почти пропитан нежностью. – И я рада... Буду рада, если отдам тебя в руки такого состоятельного, благородного мужчины. Уже так и вижу в газетах заголовки...

– Элина!

– Я даже готова забыть те ужасные фотографии, что видела, и вновь разговаривать с тобой.

О Боже, какая честь!

– Тебе важно только это?! Что напишут в журналах?! – я сорвалась на крик, ударив кулаком по матрасу.

– Конечно нет, дорогая, – меня чуть не стошнило от этих лживых слов. – Тебе же он нравится, не так ли? Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Да. Он мне нравится, – и это правда. Стефан действительно нравится мне, как может нравиться любая другая вещь в этом мире. Он хорош собой, воспитан и умен – разумеется. Но моя душа и тело давным-давно находятся в руках демона, которого мне не избежать.

– Вот и отлично. Я рада, что мы теперь забудем о той ужасной сцене между нами. Я надеюсь, ты воспользуешься этим шансом.

С этими словами она встала с моей постели и покинула комнату, оставляя во мне неприятный осадок.

Нет, с ней невозможно поговорить, невозможно разобраться. Элине я нужна только такой – дочерью, что не порочит имя нашей семьи; дочерью, которой она, якобы, могла бы гордиться.

Утром, события вчерашнего дня стали казаться сном. Такое бывает, когда я чувствую, что что-то меняется.

Коул не сделал ничего, когда видел меня с Гидеоном. Возможно, его ревнивый взгляд был всего-то обманом зрения и полетом моей фантазии.

Ночной разговор с мамой и вовсе казался нелепым. Я не могла поверить даже в то, что она назвала меня „дорогая“. Неслыханная ласка с ее стороны.

Отчетливо помню, что перед сном меня осенила идея, кажущаяся на первый взгляд безумной. Я весь месяц наблюдала за тем, как Мерседес разрабатывала свою коллекцию одежды, и я хотела попробовать заняться этим сегодня же – создать свое или дополнить ее коллекцию, разослать по всем журналам, модным домам и... Неужели никто не захочет одеваться в стиле Ребекки Картер?

Сколько себя помню, меня вечно копировали, а мама, которая таскала меня по модельным агентствам, не замечала главного – мне нравится другая сторона процесса.

Я не хочу быть вешалкой, на которую все смотрят. Я хочу быть создателем. Только вот вся одежда, что я придумывала до сих пор, была довольно-таки однообразной. В моей голове мелькали тысячи вечерних платьев на все случаи жизни, но все они были мрачными и стервозными – под стать моему характеру.

Я должна была смешивать стили, экспериментировать, пробовать, находить себя.

От всех этих мыслей уже голова шла кругом – еще никогда я не думала о своем будущем так серьезно, еще никогда не была настолько вдохновленной.

Родители не станут вкладываться в подобное увлечение, а вот Стефан... Нет, я не вправе просить у него такие деньги.

Коул? Да Коул рассмеется мне в лицо и скажет что-нибудь в духе:

„Мне нравится, когда ты обнажена. Я не хочу вкладываться в то, что мне не выгодно“.

К тому же, мне не хотелось давать ему очередной повод манипулировать мной.

Конечно, у меня были сотни тысяч долларов, спокойно лежащие в личном трастовом фонде, но из него я могла брать только определенную сумму денег в день. Этого явно не хватило бы даже на создание одного бредового платья, которое я собиралась придумать.

В общем, моя внезапно образовавшаяся мечта вновь показалась далекой, неосуществимой. И все же начать делать хоть что – то я была просто обязана.

Когда я спускалась вниз, намереваясь покинуть дом и отправится обратно в кампус к Зевсу, увидела мужчину в синем пиджаке. Почувствовала вдруг дикое желание добиться от отца хоть какого-то внимания и услышала:

– Здравствуй. Как у тебя дела? – доброжелательный голос отца застал меня врасплох. Насторожило лишь то, что он стоял ко мне спиной. И все же надежда на то, что я смогу пообщаться с ним, разрасталась с каждой секундой, и я ответила:

– Доброе утро. Я недавно вернулась из Франции и...

– Подготовь мне бумаги к вечеру. Сегодня в моем шоу... Кто? Ага, Джаред... – ни с того ни с сего ответил он, поворачиваясь на мой голос.

Отец разговаривал по телефону – я не сразу заметила черную насадку на его ухе. По мне он прошелся беглым взглядом и тут же отвернулся, даже бровью не повел.

Конечно, он всегда так реагировал на меня, но обычно отвечал, когда я пыталась с ним заговорить. Должно быть, уже наслышан о моих приключениях во время разгульного периода жизни.

А может ему просто все равно. Он живет своим шоу, хотя с Кайлом у него отношения куда теплее.

Прикусив губу от разочарования, я побежала к выходу – каждый раз, когда я прихожу в этот дом, все заканчивается хуже некуда.

Я все детство называла Коула изгоем, даже не понимая того, что все это время изгоем своей семьи была я.

* * *

Зевс вел себя как-то странно. Как только я вернулась домой, он неистово заскулил и накинулся на меня, встав на задние лапы. Когтей он не выпускал, видимо просто требовал внимания.

– Соскучился? Знаю, знаю, я – плохая хозяйка, и надо бы с тобой погулять, – виновато заметила я, почесав пса за ушком. Он дружелюбно тявкнул, но почему-то не оставлял меня в покое даже после того, как я насыпала ему полную миску свежей еды. – Зевс, я немного поработаю, и мы обязательно погуляем, – вновь объяснила псу, который терпеливо ждал, пока я выйду из ванной. Он заскулил, потираясь плотной шерсткой о мою ногу – ума не приложу, что с ним случилось. – Скоро начнется учеба, и мне очень бы хотелось попробовать кое-что прямо сейчас. Потерпи немного, сладкий.

Следующие часы я провела на кровати, обложив себя модными журналами, вооружившись альбомными листами и карандашом. Я не очень хорошо рисовала – не была прирожденным художником, и уж тем более мне казалось скучным часами вырисовывать пейзажи и портреты. Главным для меня была одежда, которая получалась у меня довольно-таки неплохо. Но больше всего сил уходило на то, чтобы создать в своей голове неповторимое платье или комплект, который бы захотели носить все женщины в возрасте от двадцати до сорока лет.

Я так увлеклась работой, что почти перестала замечать не спокойствие Зевса. Он то и дело лаял или играл со своими игрушками под кроватью, настойчиво намекая мне на то, что я должна к нему присоединиться.

К тому времени, когда я нарисовала несколько эскизов и осталась довольна работой, наконец сдалась:

– Хорошо, бери свой любимый шарик, и пойдём гулять. Пойдем, – ласково объявила я, доставая ошейник. Зевс опустил взгляд и тихонько взвыл, что могло означать лишь одно.

– Ну куда там запропастился твой мячик? – раздражаясь, я опустилась на колени и заглянула под кровать, где обнаружила целый кладезь игрушек Зевса. Черт, моя любимая помада от Chanel тоже здесь. И кофточка, которую я давно потеряла... К сожалению, сейчас ее уже вряд ли можно было назвать предметом одежды: шелковая рубашка была вся в слюнях и следах от зубов моего прелестного пса.

Перед глазами мелькнуло еще что-то странное – то, что выделялось на фоне моей потерянной косметики и игрушек Зевса. Синий конверт выглядел очередным вестником беды. Неудивительно, что Зевс его спрятал.

– Вот, держи, мяч, – он зажал игрушку между зубов, но вновь заскулил, когда я взяла в руки синий конверт. – Тоже не хочешь, чтобы я открывала эту пакость?

От Коула.

Только он может писать мне письма.

Только он занимается подобным – мне вот очень интересно, он вообще знает о существовании электронной почты? Такое чувство, что он специально делает это, не оставляя мне шанса кинуть все в спам и не читать письмо.

Конечно, его можно сжечь и разорвать, но мое любопытство возрастает во сто крат, когда я держу бумажки, которых касались его руки.

Оттягивая момент встречи с неизбежным злом, чересчур сильно метнула конверт в стену.

– Займись этим позже, – Зевс одобрительно кивнул, влезая в ошейник. Я одернула лицо, когда он потянулся, чтобы облизать меня, и просто погладила его по голове, успокаивая. – Все, идем, идем. Я только что помылась, целоваться будем потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/meyer_lana/prosti-mne-moi-grehi-2

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)